

Ищи себя - и ветер
в помощь.

Там, где появляется
ветер,
сразу начинается
беспорядок.

Дарья
Гущина

Вор - это ветер.

ВЕТЕР НА ОЩУПЬ

И ветер улетит, сорвав
покрова, и ты
увидишь...

Ветер. Книга 1

16+

Дарья Гущина
Ветер на ощупь
Серия «Мир Вечности», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63571336

SelfPub; 2020

Аннотация

Жизнь в магическом роду складывается по-разному. Одним везёт – иметь путь, учиться и работать. А кому-то – не очень, ибо нет ни первого, ни второго, ни третьего. Что делать? Ждать чуда? Подождём. "Чудом" стало завещание прадеда и наследство в виде замка? Замок – ловушка, а условие выхода – инициация? Хорошо. После оказаться вором, которому в роду магов появляться запрещено? Ладно. Для начала сбежим учиться. А там и разберёмся. Через понимание силы и тайны своей сущности, даже если приходится идти вслепую и на ощупь. Даже если поиски – сродни попыткам поймать изменчивый, ускользающий ветер. Первая книга дилогии.

Содержание

Пролог	5
Часть 1. Зов ветра	9
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Дарья Гущина

Ветер на ощупь

*Пусть пророчит мне ветер северный беду,
Я пройду и через это, но себе не изменю,
Ветер, бей сильнее, раздувай огонь в крови,
Дух мятежный, непокорный, дай мне знать, что впереди,
Чтобы жить вопреки.*

«Кипелов»

Пролог

Ветер, пролетая, оставляет за собой разные страны.

Но и через много лет там дует ветер.

Н. А.

Город спал. Древний и одинокий. Покинутый теми, кто возводил высокие линии домов и мостил узкие улицы. Город спал – тревожно, чутко. Погруженный в вязкое небытие, окутанный саваном снов, город наблюдал. Наблюдал, как сезон сменяется сезоном, а эпоха – эпохой. И пролетает время, обходя город стороной, так, словно его нет. Не тревожа покой, не будоража душу.

Да, за эпохами сна город стал забывать, что его создатели преподнесли ему невиданный дар – душу. Дар, ставший проклятьем. И город знал, почему его забыли и забросили. И знал, *что* хранит. Он видел, как умирали его создатели от своих же творений. Как разбредаются по миру немногие уцелевшие – бесприютные странники, потерявшие и дом, и знания. И оплакивал разлуку, погружившись в сонное ожидание. Но город верил, что однажды его разбудит *тот, кому суждено*. Разбудит, когда придет время расплаты. Когда тем, кто предал клятвы и забыл древние заветы, велят отдать старые долги. И под сенью эпох город терпеливо ждал *его*. И смотрел свои сны.

И город видел, как вторая в жизни мира эпоха Великой – время его создания – сменяется следующими. И видел, как последовательно приходили в мир посланники Великой – Девять неизвестных, эпоху за эпохой принося в мир новую силу, новую магию, новые знания и – новые битвы. Битвы за землю, за города, за знания, за самих себя. Город наблюдал за людьми и переживал за потомков тех, кого он считал своими создателями. И мечтал, что однажды они вернуться и вдохнут в него жизнь.

Он чувствовал приближение темных дней и размышлял, почему время ничему не учит людей, почему они не хотят использовать опыт истории во благо и живут только сегодня и сейчас. И с тоской наблюдал, как новые битвы за призрачное могущество степным пожаром проходились по миру, и победителей в той войне не было. А из горстки потомков своих создателей он с тревогой обнаружил лишь пятерых. И с беспокойством следил за их судьбой, хотя надежда на встречу таяла подобно снегу под палящим солнцем.

Но город не мог жить без веры. Он вновь и вновь ждал и надеялся. Что настанут спокойные времена, и потомков его создателей станет больше. Что придет *тот, кому суждено*. И проклятье будет снято. И он сможет позвать обратно тех, кого любил. А ждать город привык. Как и привык наблюдать за делами людей.

И город видел, как закончилась последняя Война сумерек. И этому времени обязаны своим появлением родовые вет-

ви магов – Старшие, Средние и Младшие, под чью защиту древние реликты перешли. И следил, как в семи ветвях сумерек утвердилась власть родов. И как последовали примеру сумерек свет и тьма, создав, каждый в своей ветви силы, три великих рода-охранителя.

Одно лишь удивило город – строгий запрет на появление в роду вора. И напугало – тщательное соблюдение завета. Ведь то, что не удалось соблюсти, вычеркивалось из памяти рода, как и тот, кто поправал древние законы. Напугало, потому что среди поправших были потомки его создателей. И – *тот, кому суждено*. И, как и при первом своем рождении, *тот, кому суждено*, был вором. И – ветром. Ветром времени. Ветром памяти. Вольным и непокорным. Неизменным и вечным.

...Он пришел, когда город спал. И когда по мостовым прозвучали шаги, город встрепенулся. А *тот, кому суждено*, коснулся рукой холодной стены дома и тихо сказал:

– Доброgo времени, спящий...

И город взволнованно встрепенулся, счастливо и взволнованно. А *тот, кому суждено*, улыбался, бродил по пустым улицам и смотрел. Город не умел говорить языком людей, но умел показывать, и показал все, что знал. И, изучив видения города, дойдя до башни в центре многогранной площади, где сходились лучики узких улиц, *пришедший* негромко сказал:

– Я ненадолго. Исполнишь ли ты то, о чем тебя попрошу?

И город согласился.

– Сбереги тех, кого я люблю. Когда придет время – а оно наступает, – они придут сюда в поисках убежища. Сбереги их. И ты обретешь покой. Обещаешь?

И город обещал. А *тот, кому суждено*, снова улыбнулся, попрощался и ушел своей дорогой. И город опечалился, но печаль та была светлой. Он знал, что *тот, кому суждено*, больше никогда не вернется. И никогда больше не прогуляется по узким улочкам, мощенным булыжниками с символами оберегов. Но вернутся другие.

Вздыхнув, город вновь прогрузился в сладкую дремоту, приготовившись привычно наблюдать за миром людей. И привычно ждать.

Тех, кому суждено.

Часть 1. Зов ветра

Чем гнить на ветках – уж лучше сгореть на ветру.

Е. С.

– *Тех, кому суждено...* – я потеряла оборванный край летописи и отложила ее в сторону.

Бред какой-то. Живой город с душой, надо же. Потерянный, Вечность знает где. Зброшенный потомками своих создателей, видите ли. Ожидающий, опять же...

Да, определенно бред. Тот, кто сочинял эту легенду, явно покурил что-то очень... забористое. Видимо, поэтому и не закончил историю – знатная трава вышла, а собственного скудного воображения не хватило. И о том, что случилось дальше (если, допустим, город существует взаправду), ведает лишь история, летописи свои тайны не всегда доверяющая. Хотя, нужны мне тайны эти, как змее крылья... Тошнит уже и от хранилищной пыли, и от свитков с их «бесценными» знаниями.

Обув тапки, я встала с ковра, подошла к окну и уныло уставилась на узоры закатных сумерек. Домой хочу... очень. Но вот как туда вернуться... Я задумчиво посмотрела, как оранжевый парусник поплыл по золотому небу вслед за красным цветком. Кто бы только знал, как... Резкие порывы ветра подхватили парусник, унося вдаль, и его сменил корявый

бордовый кустик. И так захотелось стать ветром и тоже улететь в закатную даль из этого заколдованного места...

Вздыхнув, я вышла из комнаты и поплелась по давно изученному пути. По коридору до лестницы, далее – на первый этаж, следом – до конца очередного коридора, спуститься ровно на тридцать щербатых ступенек к выходу в подвал и упереться в загадочную дверь. Небольшой предподвальный закуток освещала пара светляков, и я снова уставилась на дверь, украшенную символами незнакомой тайнописи. О значении малой части символов я читала, о значении двух-трех – догадывалась, но остальные были загадкой, как и вся надпись целиком. Как и дух, вырастающий из-под каменных плит пола всякий раз, стоило лишь взяться за дверную ручку.

– Ключевое слово? – равнодушно спросил он.

– В десятый раз говорю – не знаю!.. – огрызнулась я.

– Тогда в десятый раз повторяю: пока не узнаешь – дальше не пройдешь, – сообщил страж двери.

Я шмыгнула носом:

– У тебя совесть есть, а?

– Нет.

– А почему?

– А зачем? – спросило полупрозрачное чудо невысокого роста, обряженное в широкие темные штаны и поношенную серую рубаху.

Темные глаза – пустые-пустые... Опять не пропустит.

– Далось тебе слово это ключевое... – буркнула я, с болезненным любопытством рассматривая дверь.

– А нельзя без него замок-то открыть, – пояснил страж. – Из слова ключ собрать надобно, вот по этим вот символам, а слова-то я и не знаю. Вот как скажешь – так и соберу ключ. И открою путь. И на покой уйду.

От объяснений легче не стало.

– Спасибо и на этом, – я вздохнула.

– Всего хорошего, – и дух исчез в полу.

Я уныло развернулась и поплелась обратно. По закону гадости, мои злключения начались с хорошего. Три дня назад, проснувшись с рассветными сумерками, я обнаружила в своем бельевом шкафу загадочный свиток. Незнакомый, мятый, перевязанный обрывком черной нити, он терпеливо дожидался своего, вернее, моего свободного времени. И я, конечно же, едва переодевшись в цветастое домашнее платье и умывшись, с любопытством в этот свиток заглянула. И, прочитав за завтраком послание, долго не могла поверить своему счастью.

А содержание свитка было следующим.

Завещание

Дорогая моя правнучка! В силу преклонных лет своих да болезней, извне внезапно свалившихся, с прискорбием сообщая тебе, что вынужден покинуть сей чудесный мир, в Вечность уйдя. И засим, не имея должных наследников, заве-

*щаю тебе все, чем владел я, – замок, мешок с золотом, вось-
мерых духов да три старые тайны. С умом распорядись на-
следством, заклинаю, да пусть оно счастье тебе принесет
такое, каковым меня обделило.*

Прадед твой,

Эйрин леер Ат-Нор

*Пояснение: в общем, Ясси, используй мое добро с толком
и наслаждайся жизнью. Духов не обижай, они дикие и к об-
щению не приученные. Об остальном потом поговорим.*

*Второе пояснение: видишь в левом нижнем углу символи-
ческую печать? Прочитай ее. Верхняя строка – круг справа
налево, нижняя строка – круг слева направо.*

Разумеется, я на уловку печати попала. Прочитала с ин-
тересом, моргнула удивленно, обнаружив расходящиеся по
полу красные круги, и очутилась там, где очутилась. В за-
вещанном замке. И – в западне. Нет, конечно, сначала я не
поняла, что это западня. Обрадовалась и побежала изучать
свои владения.

И обнаружила, что имею в собственности три этажа замка,
три полукруглые гостиные, опоясанные тремя коридорами,
десять полукруглых спален, в которые эти коридоры и вели,
плюс большую библиотеку, кухню, огромный захламленный
чердак и запертый тайнописью подвал. Наружное изучение
дополнило увиденное. Запущенный сад, пара беседок, скри-
пучие качели, высокое крыльцо, две башни, вход в которые

я пока не нашла, и яркую золотисто-красную расцветку собственно замка.

Расцветка, конечно, порадовала. Но и она, и факт получения наследства, поблекли перед одним веским «а дальше что?» О «прадеде» я знать ничего не знаю. В семейном древе, которое я изучила вдоль и поперек, никакой Эйрин лер Ат-Нор не значился. И прабабушка, которая приходилась ему сестрой – и звали ее Эйриной, кстати, – никогда о нем не рассказывала. Кажется, само существование прадеда – и есть одна из завещанных мне тайн.

Вторая неприятность обнаружилась следом. Я присела на крыльцо, попыталась через родовой браслет связаться с прабабушкой, но ничего не вышло. Широкая полоска сизой кожи с витиеватым символом – печатью имени, которую я носила на правом предплечье, почему-то превратилась в обычный браслет. Раньше дунь на него – и в голове зазвучат голоса моего многочисленного семейства, а теперь – тишина. Раньше лишь подумай о родне – и радужным светом вспыхнет печать имени, открывая сознание и позволяя им убедиться, что все в порядке, но... не теперь.

Третья неприятность тоже не заставила себя долго ждать. Я оказалась в замке во всем домашнем – в платье и тапках. И как вернуться назад, не знала. И вслед за болезненным осознанием собственной глупости пришла неприятность четвертая. Когда я уходила, едва-едва забрезжили рассветные сумерки, а теперь вокруг замка сгустились сумерки закат-

ные, и стугнулись слишком рано, не торопясь никуда уходить.

И чуть позже я убедилась в том, что попала в пространственный «мешок», где из-за защитных заклятий прерывалась связь с миром. После Войны сумерек подобных мест в мире хватало с лихвой: маги создавали их специально, чтобы уберечь детей от сражений. И, находясь в «мешке», для мира человек исчезал, терялся. И именно там я и оказалась. И это... прискорбно. Ибо долгое сидение вне привычного пространства... чревато. Оказываясь без подпитки внешней силы, дней через десять организм начинает расходовать собственные резервы и в итоге поглощает сам себя.

Тоскливо размышляя над природой собственной глупости, я брела по коридору первого этажа. Рассеянно поглядывала то на портреты неизвестных личностей, то на стайки неугомонных светляков. Думать, как обычно, не получалось. Зато есть хотелось очень. И пить. За три дня невольного заточения я подъела все, что приготовлено на завтрак плюс «чайное» печенье, поскольку столик из дома провалился в портал следом за мной. Своей очереди сиротливо ждала последняя булочка, и я старательно оттягивала время ее потребления. Здесь же даже воды нет, а в чайнике кипяток давно вышел...

Я остановилась у портрета какого-то рыжего парня с добродушной веснушчатой физиономией. И, показалось, он с таким пониманием взирал на меня из деревянной рамы...

что мне снова стало себя жалко. А я никогда не позволяла жалости взять над собой верх.

Подойдя к портрету, я сердито посмотрела на парня и заявила:

– И нечего на меня так смотреть! Сама знаю, что растяпа, и никакие твои жалостливые взгляды этого не изменят!

– Уверена? – сильный вопрос тихим эхом пронесся по пустому коридору.

И парень с портрета... ухмыльнулся. Я невольно попятилась. Парень ухмыльнулся еще шире, потянулся и... выскочил из рамы. А его изображение – осталось. Перепуганные светляки с тихим писком ринулись в разные стороны, и по каменным плитам пола прошуршали легкие шаги.

Я молча уставилась на рыжее чудо. На портрете он был изображен по грудь, а в коридоре встал в полный рост. Высокий, тощий, нескладный, на вид чуть старше меня и рыжий с ног до головы. Светлая кожа густо усыпана сияющими веснушками, а в рыжих глазах искрились клубки живого огня. Продолжая отступать, я прижалась к стене.

– Да не бойся ты, не обижу, – усмехнулся он, с удовольствием потягиваясь, – я же твое наследство.

– Ка-какое е-еще на-наследство? – неуверенно пролепетала я.

– У тебя прадед был? Был. Завещание он на тебя написал? Написал. Ты заклинание прочитала? Прочитала. Значит, в права наследия вступила, – терпеливо ответил мой собесед-

ник и протянул ко мне руки: – И вот он я, владей!

– А-а-а, так ты один из духов, – сообразила я. – А почему раньше не показывался?

– В спячке находился за ненадобностью. А разбудить нас может только владелец замка, если обратится напрямую, – отозвался рыжий весело.

Я покосилась на остальные портреты:

– И там тоже – духи?

– Не все, – парень посмотрел на стену. – Показать нужных?

– Конечно! – я потеряла ноющий от голода живот. – Но сначала того, кто накормить сможет.

– Так-так... – мой собеседник задумчиво прошелся вдоль стены. – За кормежкой обычно следил вот он, – и указал на тощего бледненького старичка, печально взирающего на мир огромными темными глазами.

Я поспешила его разбудить, жалобно шмыгнув носом и попросив поесть. Старичок вынырнул из портрета, оставив в рамке свое поблекшее изображение, кивнул и исчез.

– За покупками пошел, – ответил на мой растерянный взгляд дух.

– А что, вы можете замок покидать? – не поверила я.

Домовые духи – не роскошь, не имел их лишь ленивый да скиталец без собственного жилища. Другое дело, что они крепко привязаны к дому и не могут уходить дальше двадцати шагов от крыльца.

– Вполне, – весело улыбнулся он.

Я нахмурилась, скользнув по нему взглядом. Темные штаны и рубашка – ничего примечательного, на первый взгляд. А вот на второй... Все же моя прабабушка – артефактолог, и во волшебных безделушках я разбиралась неплохо. А на тощей шее парня висел скромный маленький медальон-монетка.

– А-а-а, понятно... Материализация, – подойдя вплотную, я деловито пощупала плечо духа. – Внешне вы практически не отличаетесь от живых людей и способны пользоваться благами мира.

Так и есть, обычное человеческое плечо, а не бесплотное нечто. Парень ухмыльнулся, и моя рука по локоть провалилась в вязкий туман, прочно в чем-то густом завязнув.

– Эй! – я дернулась.

Безрезультатно. Рыжий захихикал. Я сверкнула глазами:

– Пусти! – и снова дернулась, для верности упершись в его колено ногой.

Он послушался. Я отшатнулась, взмахнув руками, и не удержалась, шлепнувшись на пятую точку. Дух снова захихикал.

– Не смешно! – я встала, с достоинством оправляя платье.

– Ладно тебе, – дух не переставал улыбаться, – посиди в портрете с мое – над чем угодно веселиться начнешь по пробуждении!

– Я – не развлечение! – обиделась.

– Да-а-а? А в зеркало на себя давно смотрела? – смею-

щийся рыжий взгляд сосредоточился на моей макушке.

– Много ты понимаешь! – и я с гордостью пригладила свои пышные кудри, по которым сверху вниз пробежали яркие радужные волны, – это же... настроение!

– Почему же, все понимаю, – кажется, он вообще никогда не перестает улыбаться. – И позже покажу кое-что. Но разбуди сначала остальных.

Проходя вдоль портретов, я окликала каждого духа, а рыжий попутно объяснял, кто чем в замке занимается. Уборка, садоводство, уборка, присмотр за хозяйством, уборка... Дородная женщина, две молодые девушки и худой бородатый мужик выпорхнули из старых рам и разбрелись по делам, а последним из портрета вылез парень, как две капли воды похожий на рыжего. Так же одетый и так же задорно улыбающийся.

– Так вас двое? – в мысли закралось нехорошее предчувствие.

– Братья мы, – пояснил первый дух.

– Близнецы, – указал на очевидное второй.

Я перевела взгляд с одного на другого и беспомощно улыбнулась:

– Наверно, однажды я научусь вас различать... А зачем вы мне, кстати?

– Охранять, – бодро сказал первый.

– И из передряг из разных вытаскивать, – добавил второй.

– И спасать.

– Мы пригодимся! И поможем всегда!

– Не уверена... – я вздохнула, расправляя складки подола, и вспомнила: – А где еще один? В завещании про восьмерых духов говорилось!

Близнецы переглянулись, перемигнулись, и первый рыжий сказал:

– Он... однажды появится. Когда время придет, – и снова зачем-то подмигнул брату.

Понятно. Иного ответа я не дождусь.

– Ладно, оставим. Что ты хотел мне показать?

Близнецы дружно устремились к лестнице, по пятам преследуемые стайкой светляков, а я пошла следом. Поднялась на третий этаж, зашла в гостевую и обнаружила обоих колдующими над картиной. На стенах гостевой комнаты висели две огромные картины с изображением темных старых дверей, скрытых буйным плющом. Из-под пыльных треугольных листьев наружу выглядывали лишь неровные доски да резные ручки. И когда рыжий дух взялся за одну из них, открывая дверь, до меня дошло:

– Входы в башни!

– Морок, – дух посторонился. – Прошу!

Подобрав длинный подол, я быстро поднялась по узкой скрипучей лестнице, оказавшись в огромной полукруглой комнате. Грубая каменная кладка стен, паутина с пылью и – большой портрет во всю стену. На последний я уставилась во все глаза.

– Прадед?..

– Он самый, – отозвались оба моих спутника и отчего-то скривились. словно само воспоминание о нем было неприятно.

Неизвестный художник изобразил Эйрина леер Ат-Нора сидящим на ступенях собственного замка. Невысокий, щуплый, хрупкий, он был одет в ужасный, по мнению многих, костюм: ярко-зеленые штаны, желтую в красную крапинку рубаху и голубую тунику. Дополняли образ сиреневые сапоги, коричневая походная сумка через плечо, узкий длинный шарф в разноцветную полоску и такая же кепка, лихо сдвинутая набекрень. Из-под кепки выбивались разноцветные кудрявые пряди, вьющиеся по плечам. За столь пестрой одеждой не сразу замечалось бледное лицо с курносым носом и улыбкой, притаившейся в уголках губ. Зато обращали на себя внимание глаза – большие, теплого орехового цвета, излучающие ясный солнечный свет.

Я с таким вниманием рассматривала предка, что не сразу обратила внимание на шушуканье за спиной:

– Я первый сказал, что похожи!..

– Нет, я!..

– Я еще на лестнице сказал!

– А я – в коридоре!

– А я проснулся раньше и первым подумал!

Я обернулась, и близнецы дружно замолчали.

– Вы о чем? – спросила с любопытством.

– Да похожи вы с прадедом, как мы – вот с ним, – и рыжий ткнул пальцем в плечо своего брата.

– И рост, и волосы, и лицо, – поддакнул второй.

– И безумное настроение, – добавил первый.

– Никакое оно не безумное, – я снова посмотрела на портрет, – а нормальное – настроение ясного неба и цветущего луга.

– А у тебя какое? – уточнили братья в один голос.

– Радужное. Было...

...пока я сюда не попала.

– Радужное? – близнецы дружно захихикали.

– Да ну вас... – я наморщила нос, придирчиво изучила портрет и решила: – Нет, вы неправы. Ничего общего у нас с ним, – и указала на прадеда, – нет.

– Конечно-конечно, – один из парней ухмыльнулся, – мы с братом тоже всегда думали, что не похожи. А с очевидным смирились только почти две эпохи спустя.

Я глянула на него исподлобья. Почти две эпохи? Как интересно... Значит, духами они стали в разгар эпохи Войны сумерек. Любопытно, почему... Обычно духами становились те, кто терял желание жить, но кого не отпускал путь. И неважно, по какому пути шел несчастный – по ремесленному или же по магическому. Привязанный насильно к миру и потоку силы, человек постепенно развоплощался – отторгал материальную оболочку и приобретал взамен облик призрачный. Из мира живых духи перемещались за Изнанку, где

и прозябали, пока в них не возникала нужда. А чтобы призвать духа и привязать его к дому, не нужно быть магом.

– Зачем же вы понадобились прадеду?.. – пробормотала я.

– Жизнь воров – непредсказуема и полна опасностей, – просто сказал первый рыжий дух.

Я недоуменно моргнула:

– А причем здесь воры?

– А кого навсегда вычеркивают из истории рода, не оставляя даже воспоминаний? – отозвался второй рыжий.

Я снова повернулась к портрету. Вор? И почему меня это не удивляет? В нормальных родах запрет на появление вора серьезнейший. Но мой род – не нормальный. Называется Старшим родом мгlistых сумерек, но в остальном – до рождения моего старшего брата Райдена сумеречных магов в роду не было четыре поколения подряд, зато появлялись и светлые, и искатели, и артефактологи, и, оказывается, воры. Интересно, Эйрина из-за дара выставили вон, или он успел что-то натворить?..

– Пошли, – один из близнецов хлопнул меня по плечу, – оставшееся наследство передадим, а потом – думай, сколько душе угодно.

Я послушно перебралась за близнецами во вторую башню, оказавшуюся копией первой, с таким же портретом на всю стену. Разве что этот портрет оказался... необычным. Близнецы подошли к нему вплотную и, шушукаясь, начали моего прадеда... раздевать. Сняли с изображения сначала кепку с

шарфом, потом – сумку, перчатки и что-то с шеи. И обернулись ко мне.

– Это, – и первый рыжий нахлобучил на мою голову кепку, – скрывает твои мысли. А это, – и накинул на мои же плечи длинный шарф, – скрывает твою ауру. А вот это, – и вручил перчатки без пальцев, – стирает следы пребывания. А все три вместе делают тебя... несуществующей. Ни искаатель тебя не найдет, ни один маг близко не подобрется. И даже родовой браслет не поможет твоей семье отыскать тебя.

– Хитрый... прадед, – пробормотала я.

– Так от семейства же прятался, он же запрещенный путь избрал, – хмыкнул второй дух и торжественно вручил мне сумку, поясняя: – Это портал в хранилище. Прадед твой – богач, в деньгах нужды знать не будешь.

А у меня глаза загорелись не от слова «деньги», а от слова «хранилище».

– Это не то самое хранилище, которое дух сторожит? – и я сунула руку в карман сумки.

– Нет, не то, – разочаровали меня. – Для того самого хранилища особый ключ нужен, но о нем Эйрин сам расскажет.

Я зашарила рукой в пустоте, нащупывая то монеты, то какие-то бутылки, то свитки.

– Жаль, – досадливо вздохнула, пропуская мимо ушей «сам расскажет». По ним же видно – сдвинутые, вот и плетут невесть что.

– Это, – меня продолжали осыпать дарами, на сей раз вру-

чив крошечный потертый мешочек, – поясной карман. Вмещает десять любых предметов, от пера до замка, если, конечно, придумаешь, как его с собой утащить. А это, – и мне вручили тонкую сшивку летописей, – заметки Эйрина. Он сюда свое сознание переместил, так что... знакомьтесь.

И я вспомнила о завещательном пояснении «потом поговорим» и недавнем «сам расскажет». Глянула в недоумении на сшивку и насмешливо хмыкнула. Блажь духов? Все может быть... Рыжие, кстати, судя по их заговорщическому виду, собрались куда-то деться. Но без разрешения уходить им не позволяла не то совесть, не то принесенная дому и прадеду (и, соответственно, мне) клятва послушания. И я решила обоих отпустить.

– Вас как зовут, кстати? – спросила напоследок.

– Эмсли, – подмигнул задорно первый.

– Энсли, – небрежно улыбнулся второй.

– Ай, какая разница, можно и не спрашивать...

Близнецы дружно захихикали.

– А если вы понадобится, как позвать? – решила уточнить, пока помнила.

– Если в замке находишься – то по именам позови, если вне его – прочитай заклинание на печати завещания, и мы найдем тебя, где угодно, – объяснил первый.

– Ну, нам можно?.. – добавил просительно второй.

Я кивнула. Духи исчезли в вихре рыжих искр, а я медленно побрела в свою комнату, прижимая к груди прадедовы

ПОЖИТКИ.

Как все неожиданно... И, пожалуй, не вовремя.

В задумчивости доедая грибную похлебку, я сидела на ковре и рассматривала прадедово наследство. И зачем они мне? Я же от семейства прятаться не собираюсь... во всяком случае, пока. Пока не обнаружилось мое исчезновение. Когда я попала в ловушку портала, никого из родных дома не было. Семейство разбежалось по своим делам, и, надеюсь, надолго. И помоги мне Великая, если кто-нибудь вернется домой раньше... Накажут сурово. Родной остров мне покидать было запрещено. И, чтобы не думать о плохом, я сосредоточилась на сшивке. Потертая серая кожа обложки, потрепанные края желтоватой бумаги и язычки многочисленных закладок. И – загадочное «потом поговорим». О чем?

Я отставила плоску и взяла в руки сшивку. Ничего особенного – множество пустых листов и выглядывающее из-под корешка обложки старое перо.

– И как с тобой говорить? – спросила у сшивки.

Перо после моих слов выпорхнуло из-под корешка и быстро настроило на чистом листе единственное слово – «Молча». И я не только увидела его, но и услышала – эхом в голове. Неким непостижимым образом я поняла, что именно перо напишет, прежде чем на листе появилось само слово. Бред?.. Я уставилась на косую вязь букв. Он не может иметь такой же почерк, как и у меня! Нельзя быть насколько похо-

жими!

– Это неправильно!.. – возмутилась неуверенно.

«Действительно. Лично у меня от мыслесвязи всегда болела голова, да и не маги мы с тобой, дабы практиковать молчаливое общение, верно?» – неторопливо вывело перо, а я опять заметила, что «слышу» написанное.

– Ну... да, – согласилась нервно.

«Давай знакомиться, Ясси?» – и показалось, что неожиданный собеседник... улыбнулся?

– Давай, – кивнула иронично.

Бредовая ситуация... Сажу на полу. Беседую со сшивкой, вокруг которой порхает перо, без чернил выводя на пустом листе слова, исчезающие сразу после прочтения. Слышу в голове странное эхо – отголосок написанных слов. Чувствую эмоции невидимого собеседника. Наверно, от вынужденного одиночества да в пространственном «мешке» у меня немного поплыло сознание... Или не «немного».

«По крови я твой прадед. Эйрина, прабабка твоя, – моя сестра-близнец. И я...»

– ...вор, – добавила я.

«А ты – до сих пор неинициированный Перекресток, сидящий в пыльных хранилищах знаний? Почему?»

Я смутилась. Потому что. Угораздило родиться на распутье всех возможных путей. И теоретически стать я могла кем угодно – и сумеречным магом, и тем же вором: предрасположенность есть, потоки силы находить могу, как и пользо-

ваться любим. Но вот развития нет, ибо нет инициации, закрепляющей на одном пути. Почему? Потому что. Сама не знаю.

Я неопределенно пожала плечами.

«Напомни-ка, сколько тебе исполнилось недавно?»

– Двадцать один, – я смутилась еще больше.

«А о том, что Перекрестка нужно инициировать сразу после рождения, знаешь? А тебя все еще не выпускают из дому – ни в храм Перекрестка, ни вообще? Почему?»

Я покраснела. Да, я часто об этом думала... да ответов нужных не находила. И не слышала их, когда задавала вопросы своему семейству.

«И тебе не приходило в голову удрать из дома и самостоятельно пройти инициацию?»

– Приходило, – призналась я, – но если меня не инициировали раньше – значит, так надо. И...

«...боишься пойти против семьи?» – вывело перо, как почувдилось, с насмешливым подтекстом.

– Ты их не знаешь! – попыталась оправдаться. – Их же много! А я... одна!

«Уже нет. Не хочешь рискнуть?»

Я замерла. Рискнуть и попытаться, наконец, стать хоть кем-то?.. Несмотря ни на что? Пойти против всех?

– Э-э-э... – да, мне страшно! – Для инициации нужна помощь любого члена семьи!.. – и страх – нездоровый, словно предчувствие, что не кончится прадедова задумка ничем хо-

рошим...

«Необязательно. Есть древние храмы Перекрестка с духами-хранителями, которые могут все сделать за родню».

– Ты знаешь, о чем говоришь, да? – я склонила голову набок.

«Знаю. Затем и завел разговор. Не надоело гнить в хранилищах и покрываться пылью, изучая семейные архивы?»

Надоело? Да еще как надоело! Но...

– Боюсь...

«Очень глупо».

Звучало как приговор. Я насупилась:

– Ну и что?

«Ну и все».

– То есть?

«Пока не встанешь на путь, нам не о чем с тобой говорить».

– А как же?.. А выбраться отсюда?.. – возмутилась я.

«Расскажу. Но по дороге к храму Перекрестка».

– Так нечестно! – запротестовала.

«Я все сказал».

И сшивка с шелестом захлопнулась, а перо – спряталось в корешке. Я посмотрела на безмолвную сшивку и фыркнула:

– Подумаешь!..

– А ты бы действительно подумала, – рыжий дух материализовался рядом и сел на пол слева от меня.

– Не люблю, – вздохнула я.

– Почему? – справа образовался второй.

– Мыслей много ненужных появляется, – я уныло посмотрела на стену перед собой, – настроение сразу портится...

Братья захихикали. Ну и парочка... Семейство – ненормальное, наследство – дурное, и как я могу быть в таком окружении другой? Со мной всегда все было... не так, и причины оному очевидны.

– Вы бы шли... по своим делам, – буркнула духам.

– А мы тут по делу...

– ...которое нам твой прадед поручил, потому как...

– ...тебя к храму проводить надобно...

– ...а то сама дорогу не найдешь...

– ...да и случиться по пути может всякое и...

– ...мы все знаем про инициации, а...

– Ой, помолчите! – я наморщила нос. – Ничего не хочу и никуда с вами не пойду!

– Ладно, – рыжий дух слева покладисто улыбнулся, – поговорим дня через три-четыре. Глядишь, опомнишься.

И до меня дошло. Прадед же меня тут запер! Если не соглашусь на инициацию – сгнию в замке в одиночестве!

– Ах, змей разноцветный!.. – вырвалось невольное.

– Ну, мы пошли? – бодро переспросил дух справа. – Ты нас зови, как созреешь.

Я на мгновение закрыла глаза, отгоняя прочь ненужные мысли, и быстро ухватила обоих за рукава рубах.

– Стоять! Я... согласна. Ведите меня к своему храму!

Только быстро! Пока не передумала!

Пока не испугалась...

– Доставай заветное и читай круги заклятья...

– ...верхний – слева направо, нижний – справа налево...

– ...и представляй храм Перекрестка.

– Какой? – уточнила нервно, шелестя свитком заветного.

– Да любой! Ты же про них наверняка читала и знаешь, как выглядят древние храмы. И тряпки!.. Тряпки унаследованные прихватить не забудь!

Я перевела взор с одного ухмыляющегося лица на другое и убрала в поясной карман артефакты и сумку. Пришпилила его к поясу платья, вздохнула и сосредоточилась на развалинах какого-то Вечностью забытого города, о котором мне недавно рассказывал старший брат. Храм Перекрестка он лично видел неподалеку от развалин, а значит, и я его найду. И сбивчиво прочитала заклятье.

Под ногами запульсировали разноцветные круги, вновь вспыхнуло в душе обостренное чувство страха, предвещающее гадость, и мы с близнецами провалились в пустоту портала.

Расправляя рваные рукава платья, я сидела на вершущке колонны и мрачно смотрела вниз, а под моими ногами дрались за остатки зеленой тапочки шесть отвратительного вида созданий. Низенькие, коренастые и скрюченные, существа вместо рук имели два длинных щупальца. Мертвенно-блед-

ную кожу покрывали проплешины короткой коричневатой шерсти, сквозь которую на спинах проступали узлы позвонков и жгуты мышц. Из-под длинной грязно-серой шевелюры, закрывающей лица, горели угли больших желтоватых глаз и сверкали иглы клыков.

С тапочкой существа покончили довольно быстро, разорвав зеленую ткань в клочья. И едва одной игрушке пришел конец, как они вспомнили о второй, то есть – обо мне. И я едва не упала со своего насеста, подтянув колени к груди. Длинное щупальце со свистом рассекло воздух там, где прежде находились мои пятки. Я поспешно подтянула к себе и остаток подола.

Твари разразились булькающими хрипами. Я брезгливо поморщилась, устраиваясь удобнее. Выбранную мной колонну венчали остатки каменной крыши, нагретой солнышком, и сидеть было вполне удобно. Скучно только. И страшно, но это чувство я усердно гнала прочь. Если запаникую...

– Есть мысли, как отсюда выбраться? – спросила в никуда, изучая свои поломанные радужного цвета ногти.

– Не-а, нету, – дружно отозвались близнецы, угнездившиеся на остатках колонн неподалеку, а существа внизу снова хрипло забулькали.

– Жаль, – я вздохнула.

И снова осмотрела свои ладони. И всего-то двумя сломанными ногтями отделалась, взбираясь по колонне... Но когда эти твари на меня набросились... Со страху я бы не то, что на

гладкую колонну – я бы на верхушку родной замковой башни в праздничном платье и каблуках взобралась, благо, опыт есть... И рыжие братцы последовали моему примеру. А вот твари остались внизу. Вероятно, боялись прогневить неведомого бога, чей храм, вернее, его остатки, послужил нам пристанищем. Или по иным своим убеждениям. И, хрипя, они толпились внизу, дорывали вторую тапочку и очень меня нервировали.

Я угрюмо изучила окрестности. Раньше, когда мама спрашивала, почему я постоянно влипаю в сомнительные передрыги, я лишь пожимала плечами и смущенно улыбалась. А теперь мне тоже захотелось узнать ответ на мудрый мамин вопрос. Да задать его некому. Близнецов разве что спросить... Но они заняты. И не тем, чем надо. Мои охранители тихо меж собой ругались. Собственно, отношения выяснять они начали по прибытии, продолжили – пока монстры гоняли нас по руинам заброшенного города, и до сих пор не успокоились. С их насестов то и дело доносилось злобное:

– Ты, чурбан безголовый, я же тебе сказал, что все заклинания – у меня!..

– На себя посмотри, слизняк самовлюбленный! У меня все знания по магии должны быть!

– Болван рыжий, ты же в ней не смыслишь ничего!..

– Что-о-о? Да ты сам только посохом и способен кидаться! Глядишь, повезет – и зашибешь кого невзначай! Рыбозмей ощипанный!

– Бестолочь!

– Тупица!..

– Как же вы правы насчет друг друга, – фыркнула я.

Повисло скользкое молчание, лишь жгутолапые твари внизу напряженно сопели в ожидании чуда. Я воспользовалась моментом и любопытствовала:

– И из-за чего ругаемся?

Различать я их пока не научилась, да оно и без надобности. Отвечали братья либо в один голос, либо по очереди, дополняя друг друга.

– Понимаешь, мы с рождения перепутанные...

–один должен быть магом-теоретиком, хранителем знаний и придумывателем заклятий...

– ...а второй – практиком, эти знания использующим.

– А нас перепутали! И сила в нас местами меняется, сегодня я практик – завтра – он...

– ...но мы так долго спали...

– ...что не помним, кто из нас кто.

– Да.

Я недоверчиво глянула на них через плечо. Рыжие вино-вато улыбнулись и развели руками, добавив дружно:

– Бывает...

– Ужас, – пробормотала я и вновь сосредоточилась на жгутолапых.

Они сообразили, что необязательно сидеть в осаде до скончания времен. Как необязательно и высоко подпрыги-

вать в попытках меня зацепить. Достаточно взобраться на плечи сородича, и щупальца засвистят вблизи моих голых коленей, цепляясь за рваные края платья.

Я осторожно встала, подбирая все, что осталось от некогда длинного подола. Подпрыгнула резво, уворачиваясь от жгута. Замерла, едва удерживая равновесие. И крикнула:

– Давайте-ка шустрее разбирайтесь, кто из вас кто! Иначе зачем вы мне нужны, охранители недоделанные?!

Собственно, я и сама могла немного поколдовать. Конечно, не так, как полноценный маг, который рождается погруженным в поток силы. Но я – Перекресток и окружающие потоки нащупать способна. Плюс выросла в сумеречном роду и все заклятья знала назубок. Да только... у меня все получалось не так. Задумаю одно, получится – второе, а последствия от задумки будут третьими. Лучше не рисковать без нужды, то есть без инициации.

Я снова подпрыгнула, уворачиваясь от жгута, и испуганно осмотрелась. Руины древнего города, о которых рассказывал брат, лежали у моих ног, поросшие мхом и низкорослыми кустарниками. От некогда величественных строений остались лишь груды камней и потрескавшихся колонн да пара чудом уцелевших арок, что отбрасывали тени на широкую дорогу. Последняя, кособоко изгибаясь и серея разбитыми плитами, убегала к болоту и исчезала в зловонных топях. И где-то здесь, неподалеку, прятался меж выжженных солнцем холмов столь нужный храм. И иногда, при очень вы-

соком прыжке, мне чудились сверкающие на солнце шпильки. Инициироваться бы – и домой, пока не поздно...

– А-а-а!..

Засмотревшись, я прозевала резкий выпад жгутолапого, и с визгом взлетела в воздух. Где и застряла. Обхвативший щиколотку волосатый жгут тянул вниз, а вцепившиеся в запястья рыжие хлысты – к одному из близнецов.

– Давай к нам, Ясси! – поддержал морально второй братец.

– Ага, уже!.. – пропыхтела я.

Еще бы знать, как к ним «давать», болтаясь в подвешенном состоянии... В отчаянии посмотрела на близнецов, бросила испуганный взгляд вниз и... И ничего не придумала, кроме как:

– Отпустите!

Чувствовать себя перетягиваемой веревкой – приятно мало, и лучше уж с монстрами свидеться, чем быть разорванной пополам.

– Да отпустите же!..

Вечно меня все делят, норовя перетащить на свою сторону... И родители, и братья, и все... сопутствующее. А мне что, разорваться? Нет уж... И, изворачиваясь в путях, я решила рискнуть. И будь что будет. И, настроившись, уплыла в ту реальность, где темнело перед глазами, исчезали в пустоте звуки и запахи, а руки по локоть погружались в вязкие потоки силы. И я уцепилась за первый же попавшийся, пропуская его между пальцами, свила из прохладных нитей

мглистую тень, которая по задумке должна заменить мне колонну, но...

– Ы-ы-ый-е-о-о!..

И молчаливую округу огласил дружный вопль боли. Жгутолапые отцепились от меня и кинулись врассыпную, а братцы-охранители одновременно сиганули вниз, прячась за колонны от слепящего света. Раскаленный добела круг заклатья, мигнув, улетел в сторону далеких холмов, где и взорвался, а я... А я, подло подброшенная рыжим охранителем к небу, на отдаче от заклинания с визгом просвистела над арками, над мраморной тропкой, над остатками колонн и обосновалась в новом неожиданном убежище.

Болото приняло меня в свои чавкающие объятия скользким «хлоп!». Вынырнув, я фыркнула, инстинктивно огляделась и обнялась с очередной утопшей почти до середины колонной. Не то маленький храм, не то беседка... Из четырех изящных колонн целиком сохранилась лишь одна, а остатки трех робко выглядывали из болотной тины, окруженные полуразрушенной кладкой стен. Щербатый клочок карниза угрожающе нависал над моей головой... но раз он при разрушении города не рухнул, то и на меня не упадет.

Я смачно сплюнула болотной жижей и перевела дух. Фу-у-у... Легко отделалась... И в трясику не угодила. Руки скользили по гладкому мокрому камню, и я, найдя опору под мутной водой, обхватила ее ногами. Пальцами рук и ног нашупала мелкие трещинки и щербинки, в которые и вцепилась

мертвой хваткой. Тряхнула головой, откидывая на спину волосы. Шмыгнула носом. И тихо вздохнула. Главное – жива...

– Парни-и-и!.. – колонна, конечно, находилась у кромки болота, но мне самостоятельно до берега, увы, не добраться.

Близнецы нерешительно высунули веснушчатые носы из-за пригорка и осторожно спустились с холма к кромке топи. Выглядели оба помятыми и растерянными. Эм-м-м, я же их не задела?.. Да и не задела бы – они же духи. Любые заклинания проходят сквозь них подобно камню, брошенному в туман.

– И что это было? – любопытствовали дружно.

– Ну... – смутилась я.

Понятия не имею.

– О-о-о! – изрекли они многозначительно.

Смотрели при этом не на меня, а за меня. Я осторожно обернулась. Топь расстилалась, насколько хватало глаз, и в нескольких шагах от колонны из мутной воды робко выглядывали остатки полуразрушенной крыши.

– Храм эпохи Великой! – просиял один братец.

– Уточним? – предложил второй.

И оба, не сговариваясь, с разбегу нырнули в болото. Лишь мутная вода еле слышно хлюпнула.

– Эй, а я? – заволновалась запоздало. – А как же я?..

Но что я такое по сравнению с тайнами древних храмов?.. Я ругнула братцев и крепче вцепилась в единственную опору. От отвратительной болотной вони щипало глаза и свер-

бело в носу. Мокрая одежда тянула ко дну, а влажные волосы неприятно холодили шею и щеки. Руки и ноги немели от неподвижного напряжения. Разболелась ушибленная при взлете на колонну коленка, и засадили в едкой воде царапины от «перетягивания». А вокруг, как назло, – ни души. Хотя и от душ толку-то...

– Помогите-е-е!.. – а вдруг кто-нибудь есть, хоть жгутопалый... Отобьюсь, лишь бы из топи выбраться... – Есть здесь кто-нибудь-у-удь? Помогите-е-е!

А в ответ – лишь эхо, гуляющее по холмистой долинке, да тихое бульканье лопающихся болотных пузырей. И я. Обнимаюсь с грязной колонной уши в воде. Жду чуда. Скучно... и страшно до дрожи. А ведь еще недавно, сидя дома и слушая рассказы братьев, я жила мечтами о дальних городах и необычных приключениях, интересных странствиях и неожиданных открытиях. И теперь была крайне разочарована собственными «приключениями». Это же... тоска зеленая. Кроме... разве что, одной странности.

Я чихнула и внимательно осмотрелась. В болоте нет насекомых – вообще никаких, ни мошек, ни комаров. Как нет и прочей живности. Почему? Одна догадка у меня имелась, но от нее становилось не просто страшно, а жутко. Жутко страшно. И *это* Райден, побывавший здесь, невозмутимо называл «по делам»?.. Интересно, а мама знает, по каким «делам» и где именно он пропадает?..

– Здесь есть кто живо-о-ой? Ау-у-у! Я ту-у-ут!

Кто-нибудь, заберите меня отсюда! Домой хочу! Нет, сначала инициироваться, а потом – домой. Да. Инициация нужна, кровь из носу. И пусть меня ругают за то, что я сделала, чем за то, чего не делала.

– Ау-у-у! – поерзав, я ухитрилась подтянуться и высунулась из болота по грудь.

Эхо, погуляв по округе, растворилось вдаль. И снова – вязкая, пугающая тишина. Только холод тухлой воды и закатное небо над головой. И ни от братцев вестей, ни... Ага.

Я наострила уши. Почудился шорох шагов. Мне же не показалось, нет?.. Нет. Шаги слышались с пригорка – уверенные, тяжелые, в мою сторону направляющиеся. Я вытянула шею, высовываясь из-за узкого прикрытия колонны. Шаги принадлежали ногам, обутым в сапоги. Далее следовали черные штаны, поясной карман и руки, в карманы штанов засунутые.

Я невольно сглотнула. Мне уже не нравится то, что на мои истошные вопли явилось... Уж лучше бы... жгутолапый... И нерешительно остановила взор на середине груди подошедшего, зацепившись взглядом за шнуровку рубахи. Ну, одно из двух: либо топлюсь сама, либо меня придушат... Но самой – страшно...

И, смирившись с неизбежным, я мельком глянула в лицо подошедшего. Востроносая небритая физиономия, темноволосая шевелюра, прищуренные ярко-сизые, искрящиеся силой глаза из-под черных взлет бровей и сухо поджа-

тые губы – как все знакомо... Вплоть до нездорово бледной кожи, которую никогда не брал загар. Вплоть до привычного неодобрительного неудовольствия при виде моей особы. Вплоть до...

Вот если не везет – то не везет... Я попыталась подтянуться повыше, но лишь соскользнула в топь до подбородка.

– Яссмилина... – медленно, с расстановкой протянул подошедший.

– Шхалар? – я попыталась изобразить улыбку. Разумеется, ничего не вышло.

– И что ты здесь делаешь? – спросил он вкрадчиво.

– Тебя жду, – ответила предельно честно.

– Неужели? А зачем?

– А вы которую луну с Райденом носа домой не кажете? Вот, соскучилась и решила повидаться, – я пожалала плечами и едва не упустила скользкую опору.

– Я польщен, – Шхалар склонил голову набок, – но как ты догадалась, где именно меня искать?

– О, все просто, – я лицемерно улыбнулась, – это место удивительно тебе подходит!

– Правда? – хмыкнул он. – Знаешь, я хотел сказать о тебе то же самое, – и выразительно глянул на булькающую муть болота.

Разница в местоположении – налицо... и на лице. Все, сдаюсь. Он мне не по зубам. Как всегда. С давних пор первого знакомства, когда он подружился с моим старшим братом

и начал приезжать к нам в гости на каникулы. Все, кыш, гордость. Обмениваться с ним «любезностями», сидя по уши в болоте, желания никакого нет.

– Шхал!.. – заныла я, отбросив притворство. – Ты, змей бессердечный!.. Неужели тебе трудно сначала помочь, а уже потом – измываться? Кстати, а Райден где?

Эти двое неразлучны со времен обучения в ступени гильдии, и где первый – там и второй. Неизвестно, что брат в нем нашел, но – и на учебе вместе, и на каникулах – вместе, и на практику – вместе, и на работу в гильдию магов – тоже вместе. Вероятно, дело в том, что Шхалар – живой источник силы мгlistых сумерек, а Райден – человек весьма предусмотрительный.

– Занят, – кратко ответил мой собеседник, сплетая заклятье.

Из сгустившегося над моей головой воздуха вынырнула мгlistая плеть с четырьмя щупальцами. Милая добрая знакомая сумеречная «лапка»... Подхватив под мышки, она выудила меня из болота, подтащила к берегу и оставила в подвешенном состоянии, что я покорно стерпела. Я ему все припомню... потом.

А пока – выжидать. Любое случайное движение чревато неприятностями. Шхалар же не просто сумеречный маг, он – живой источник. А я – Перекресток с потенциальным потоком вора под мышкой. По легенде Девять неизвестных сумели защитить людей-источников от кражи силы каким-то хит-

рым закладываем, и сами источники добровольно ею делиться могут, а вот обворовать их нельзя. Как и подойти к ним вплотную: сила чуяла вора и вставала стеной. И приближение к источнику грозило неиницированной мне немалыми проблемами. Знаем, плавали.

И посему, помня о набитых шишках, я безропотно молчала и не шевелилась, сложив на груди руки. Сумеречный же вдумчиво изучал то, что открывалось его взору. Босые ступни, лохмотья юбки, подранные рукава, стекающую по исцарапанным рукам и ногам болотную муть, чумазое лицо и облепившее мои плечи бывшее радужное настроение. Судя по усмешке, зрелище ему нравилось. И мне пришлось напомнить себе, что я – очень-очень-очень терпеливый человек.

– А носить платья ты так и не научилась, – отметил он мимоходом.

– Надень сам и покажи пример, – огрызнулась в ответ. Настроение, и без того аховое, испортилось еще больше.

– Ясси?! – громыхнуло над болотом. – Недоразумение ты эдакое!.. Как тебя сюда занесло?! И кто тебе разрешил уходить из дома?!

Я зажмурилась, собираясь с духом. Вот и брат... Заставила себя улыбнуться. И не виделась долго, и я соскучилась... но меньше всего хотела встретить его здесь. Потому как инициация теперь вряд ли состоится. Убьет же сгоряча и правильно сделает... А не убьет сразу – мне же хуже. Дома добавят, как только узнают...

– Ясь, какой мглы?.. – брат поспешно спускался с пригорка, и его хмурый взгляд не предвещал ничего хорошего.

Шхалар поставил меня на ноги и отошел в сторону, предвкушая расправу.

Я сжалась в комок и судорожно сглотнула:

– Райден, до-добрых су-сумерек... – проямлила нерешительно и робко глянула на его лицо. И испуганно опустила взгляд. Попятилась, по щиколотку провалившись в болото. Все, дальше отступать некуда, позади...

Вообще-то у нас отличные отношения, но в нечастые моменты злости брат удивительно напоминал отца, у которого гнев давно стал состоянием души. Те же взъерошенные светлые волосы, сощуренные черные глаза и привычка в разговоре наклоняться к лицу собеседника, подавляя и ростом, и яростью. И я тогда старалась держаться от него подальше. Мало ли... Жаль, нельзя провалиться сквозь землю...

– А вот и мы! – радостно возвестили из болота, и неподалеку вынырнул один мой охранитель.

– Ничего не пропустили? – следом появился и второй.

Кажется, они, наконец, действительно могут меня спасти... Я перевела дух, собираясь с мыслями, и покосилась на онемевшего от неожиданности брата. Похоже, мое убийство откладывается.

– Кто такие? – сухо спросил Райден.

– Мое наследство, – ответила наивно. – Вот они, сговорившись, меня сюда и затащили!

Почему-то эти простые слова вернули его мысли в прежнее русло. Он снова уставился на меня, как туманный слизень на свежую дичь. И, судя по сощурившимся глазам и цветущему на скулах румянцу, Райден был в ярости. А в таком состоянии он притащит меня домой и на плече, пропустив мимо ушей яростные протесты.

– Ясь, ты хоть понимаешь, что натворила? Мы тебя потеряли! Отец всю округу на уши поставил! Язгар с Айло перерыли весь остров! Сарта выдернули из ступени гильдии для поисков! Мама постоянно плачет! Бабушки – в истерике, а деды – в шоке! Прабабушка мне плешь проела, требуя тебя найти! И если бы я мог выбраться отсюда быстро... Как ты могла бесследно исчезнуть, ничего никому не сообщив? Три дня, Ясси!.. Три дня пустоты и тишины!.. А потом я слышу такие знакомые взрывы в холмах и вопли...

С каждым последующим словом голос Райдена становился все сдержаннее, а мой бегающий взгляд – испуганнее.

– Ты немедленно вернешься домой! – словно читая мои мысли, подытожил брат резко и ухватил меня за предплечье. – Немедленно!

– Нет! – я дернулась, вырываясь.

Да, не так давно, сидя в болоте, я очень хотела домой, но теперь... Что-то внутри меня встрепыхнулось, протестуя. Подраться со жгутолапыми и просидеть в болоте, чтобы бесславно вернуться домой и получить нагоняй?.. Не хочу!.. Опять сидеть дома и лунами ждать приезда родных, и слу-

шать рассказы, и с жадностью ловить каждое слово, представляя себя на их месте, в путешествиях и открытиях? Не хочу!.. А хочу... в храм Перекрестка! И хочу стать хоть кем-нибудь, кроме того, что я есть...

Я осторожно попятилась, провалившись в холодную топь по колено. Значит, так, да? Угрожаем и давим на совесть? Ну ладно! И я использовала единственно верное средство, способное наверняка повлиять на мнение Райдена:

– Ы-ы-ы!.. – и пустила очень натуральную слезу.

– Яссмилина! – он не поддался на обман. – Не ной!

– Ы-ы-ы!

И украдкой ущипнула себя за мягкое место. От боли слезы из глаз полились уже по-настоящему. Зрители же сего маневра повели себя соответственно. Шхалар выразительно поднял брови, а близнецы откровенно заржали. Один лишь Райден, к которому я стояла лицом, ничего не заметил. И его гнев исчез, сменившись растерянностью.

– Ясь! – брат никогда не любил моих слез. – Ясь, ну, не надо, ну, перестань, Ясси!..

Одного добилась – нравоучения кончились.

– Ы-ы-ы!..

– Сумрак, да не реви ты!..

– Ы-ы-ы!.. Я не понимаю-у-у!.. – я упрямо шмыгала носом. – Не понимаю, почему должна сидеть дома!.. Не хочу-у-у!.. Не поеду-у-у! Ы-ы-ы!..

Брат вздохнул, покосился на зрителей, подошел и осто-

рожно взял меня под локоток.

– Пойдем-ка... поговорим. Да перестань ты уже реветь, Яськ!.. Ну, что ты... Пойдем-пойдем...

Я покорно позволила ему выудить себя из болота и увести в сторону. Мы уходили к руинам древнего города, а нам вслед неслошь:

– О, Энс, смотри-ка, живой источник!

– Точно, живой!

– Как папка!

– Эмс, ты болван! Папка темным источником был!

– Да какая разница! Все равно ему развоплощаться однажды придется, сам-то не помрет! И детей у него нормальных не будет! Вон, у папки, в его источниковом роду, все потомки то перепутанные, то на голову сдвинутые!

– Это ты себя в пример приводишь?

– Напротив, Энс, тебя!

Я обернулась. Выражение лица Шхалара стало крайне красноречивым. Я ухмыльнулась. Пожалуй, близнятки, мы с вами найдем общий язык... Впрочем, веселье мое быстро сошло на нет. Поднявшись по разбитой дороге на холм, мы в молчании подошли к остаткам колонн. Интересно, а что я такое сотворила, раз они рассыпались в пыль, и лишь постамент уцелел? И срез на нем такой ровный, словно колонну косою скосили... огненной.

– Твоя работа? – прервал молчание Райден.

Голос – спокойный. Значит, можно поступательно добить-

ся своего...

– Моя, – не стала отрицать.

– Солнечная вспышка, заклятье Младшего поколения света, – пробормотал он. – Откуда ты его знаешь?

– Я вообще много чего знаю, – и уныло вздохнула, – кроме настоящей жизни...

Мгновение глаза в глаза, и брат задумчиво посмотрел в закатную даль.

– Вернемся к тому, с чего начали. Где ты пропадала? И что здесь делаешь?

Усевшись на постамент, я выжала мокрые волосы и вкратце пересказала ему историю с завещанием. И напоследок добавила:

– И я вспомнила про храм, о котором ты рассказывал. О том, что он находится неподалеку от руин города, на острове Рассвета. Я представила храм по твоим словам и переместилась через портал. Да, промахнулась, но ведь он где-то неподалеку, правда? – и доверчиво посмотрела на Райдена. – Ведь он здесь?

– А ты не хочешь уточнить, что такое это «здесь», а? – хмыкнул он, сунув руки в карманы штанов и выразительно поворошив носком сапога сухую серую пыль.

– А что? – спросила наивно, поджав босые ноги и обняв колени. Зябко...

– Пустошь.

У меня от страха взмокли ладони. Да, я догадывалась,

но... Пустошь – страшное место. Там, где Вечность прорывала Изнанку мира, уничтожая все живое – вплоть до вездесущей мошкары, и, уходя, оставляла руины городов, стертые в пыль горы, иссушенные реки. И странных, неизвестных магической науке тварей. Я шмыгнула носом. Я уже говорила, что если не везет, то не везет?

– То-то и оно, – негромко заметил брат.

– Но ведь через портал сюда попасть нельзя! – вспомнила я. – Все любители острых ощущений до пустоши добирались самостоятельно, ее границы поглощают магию перемещения! Как же так?..

– У прабабушки спросишь. Я в семейной артефактологии не силен, – Райден задумчиво прищурился на заходящее солнце: – Заодно и про прадеда все узнаешь. Так, говоришь, он тебя к инициации подтолкнул?

– Он, – сдала с потрохами предка. – Но и я... Я тоже об этом думала... И часто думала. Почему, Райден?.. Почему у вас – нормальная жизнь, вы учитесь, работаете, а я – сижу дома? Почему? Я что-то не так сделала? Ты ведь можешь мне ответить? Ведь можешь?..

– Так... надо, Ясси. Поверь. Так... род велит. А мы должны его велениям подчиняться, – завилял брат, нервно взъерошивая волосы.

– Почему? – не отставала я, выжимая остатки юбки.

Райден, сев рядом со мной на остатки постамента, вытянул ноги и тяжело вздохнул:

– Ничего не поделаешь... Род нас воспитывает, обеспечивает и наставляет на путь, – вынув из кармана сумки клок тканевого свитка, который впитывал любую грязь, брат протянул его мне: – Он дает нам защиту и выводит во взрослую жизнь. А мы взамен обязаны соблюдать его традиции и оправдывать его ожидания. Понимаешь?

– Нет. Ради каких традиций я обязана сидеть взаперти? Скажи – ради каких? – вытирая платком чумазое лицо, я тоскливо смотрела на убегающую с холма разбитую дорогу.

– В роду еще не решили, как с тобой, Перекрестком, быть, – пояснил Райден, – с нами... – и осекся.

Я обернулась на брата, а он упрямо уставился закатное небо.

– Райден! И ты?

– И я. И все мы, – признал он.

– Но...

– С нами проще. Если в роду рождается несколько детей Перекрестка, то старший ребенок принадлежит первому главе рода.

– И ты стал магом мгlistых сумерек, как наш прапрапра...

– Да, без выбора. Второй ребенок принадлежит отцу, третий – матери, четвертый – ближайшему прародителю, то есть – нашей бабушке Нелле, а последующие...

– Что? – мы как раз подошли к самому интересному.

Райден неожиданно усмехнулся:

– Дед по отцу твердит, мол, ты – его кровь и должна стать искателем. Бабушка возражает: искателей у нас и так пруд пруди, и ты должна пойти по ее стопам и стать искусницей. Дед по матери возмущается: искусники не в почете, и ты обязана стать сумеречным магом. А вторая бабушка тянет тебя в свой свет. При этом отец кричит, что еще одного мага в семье он не потерпит, мы же дурные. А мама – за то, чтобы ты, как и ее бабушка, ушла в артефактологи. Да еще и дяди с тетями с советами лезут и с толку сбивают.

У меня пропал дар речи. Брат понимающе ухмыльнулся:

– И с тех пор, как ты родилась, они грызутся между собой, каждый настаивая на своем, и не могут прийти к согласию. А тебя пока держат дома, чтобы ты, не приведи мгла, не выбрала ненужный путь, к семье не относящийся. Еще вопросы?

Вопросы не находились, и я надолго замолчала. Смотрела на тусклое рыжее солнце, подернутое блеклой дымкой. Тербила влажные клочья подола. Обдумывала, вспоминала и снова обдумывала услышанное. А потом очень тихо спросила:

– Пойдешь со мной в храм Перекрестка?

Райден отвел глаза. Я зябко повела плечами. Почему-то мне казалось, что он поддержит и поймет... Всегда поддерживал и понимал. Не просто брат, но и лучший друг. Но не заставлять же...

Я вытянула затекшие ноги и вздохнула:

– Ладно, извини, не стоило спрашивать... Но я вернусь

домой только после инициации. Хватит с меня. Я устала быть бесполезным придатком большой семьи. А ты, если не хочешь подставляться... просто отпусти. И покажи дорогу.

– Нет, лучше провожу, – спокойно сказал он и улыбнулся: – Не будем нарушать традиции, Ясь. Всегда ведь по шею получали вместе... Да, не будем нарушать традиции.

Я тоже улыбнулась. Неправда, чудила я одна, а вот шишки сыпались на него – не уследил, не удержал, да еще и прикрыл... Я порывисто повернулась:

– Не передумаешь?..

– Нет, – он качнул головой и после паузы добавил: – Знаешь, Яськ, я всегда тебя жалел. А теперь думаю, что тебе повезло. Ты можешь выбрать путь сама.

– А кем бы ты хотел стать?

Он небрежно пожал плечами:

– Неважно. Я вполне доволен тем, что имею.

– Так что, идем?.. – от волнения меня начало лихорадить. Или я просто замерзла? Пыльная луна подходила к концу, и с наступлением закатных сумерек тепло сменялось зябкой прохладой, предвещая скорый сезон дождей. А я – только что из болота, с платья до сих пор капает...

– Погоди-ка.

«Лапка» вынырнула из ниоткуда, вязким полотнищем обернувшись вокруг меня – впитывая влагу, стирая грязь, подлечивая синяки и ссадины, заработанные в прыжках по колоннам и болотам. Сразу стало уютнее и теплее. Правда,

платье из цветастого стало скучно-серым, но и ладно. Я благодарно улыбнулась, собирая в косу распушившиеся чистые волосы. Тапки бы еще найти... Но раз здесь работает прадедов портал из замка, то и портал в хранилище замка – то есть сумка – тоже работать должен. А там вроде была одежда, и неважно, что не моя...

– Ясь, а что это у тебя на голове? – недоуменно моргнул Райден.

– Радужное настроение, – проворчала я. – Бывшее.

Он весело улыбнулся:

– Ладно, чудо мое... радужное, идем, – и достал из сумки куртку, накинул на мои плечи. – Расставим все по своим местам.

– А как же... остальные? – я достала из поясного кармана свою сумку и радостно нащупала в ней мягкие сапожки. И пусть большеваты...

– Не подерутся, – брат терпеливо ждал, пока я обуюсь. – Если, конечно, твое наследство не продолжит обсуждение особенностей Шхаларовой сущности.

– И ты так легко поверил в мою бредовую историю? – я взяла Райдена под руку, снова – привычно – ощущая себя рядом с ним в безопасности, даже в пустоши. – А ведь я могла...

– Ясь, ты ужасно врешь. Ужасно недостоверно. Идем. Храм – вон там.

Мы с братом стояли на вершине холма и задумчиво взирали на необычное явление. Над черной, выжженной изнутри ямой, над вывернутыми из земли валунами и крупными брызгами камней, висел в воздухе храм Перекрестка. Вероятно, прежде он стоял на вершине холма. До тех пор, пока этот холм существовал в природе.

– Солнечная вспышка... – прокомментировал Райден и с усмешкой посмотрел на меня.

Я покраснела, пожалала плечами и уточнила:

– Заклятье Младшего поколения, говоришь? На что же тогда способны вы, Средние? – и покосилась на его нашивку мага – расплывчатое пятно мгlistой тени в окружении серебристой дымки, скромно ютившуюся на рукаве рубахи.

– А уж на что способны Старшие, – он фыркнул и протянул мне руку.

Я не боюсь... Крепко взяла его за руку. Я не боюсь... В сухой и горячей ладони Райдена моя собственная напоминала подтаявший комок льда – холодный и влажный. Я не боюсь... Шагнула за ним следом в пустоту, а под нашими ногами, извиваясь, поползла к храму мгlistая тень, прокладывая в закатной дымке воздушный путь. Я не боюсь... инициации. Не боюсь... Я вздохнула, собираясь с силами и с мыслями. Нет, я боюсь, но я... смогу.

Отрешаясь от страха, сосредоточилась на храме. Невысокое круглое серое строение, многочисленные крошечные окошки чередовались с узкими, впаянными в стену витыми

колоннами. Остроконечная крыша, карниз которой украшали символические фигуры путей. Слева – символы магии: от кругов света на ладони и теней сумерек до паутины тьмы в кулаке. Справа – символы ремесла: от узла искателя и маски искусника до бутылки алхимика и кошелька торговца. И – соединяющий фигурки круг: сила едина для всех, кто не страшится своего пути. Ремесло – сила для созидания, магия – сила для разрушения.

Невзрачно-серые, как и весь храм, отполированные временем и природой, фигурки чернели на фоне закатного неба и смотрелись величественно. Чего не скажешь о храме. Но он строился не для красоты, а для дела. Для важного дела, при мысли о котором у меня, признаюсь, сводило колени. И у низких дверей я остановилась и замялась под многозначительным взглядом Райдена. Он же молча открыл передо мной дверь и терпеливо ждал, когда я решусь сделать первый шаг. А я... замерла на пороге, ежась под прохладными порывами ветра, неуверенно всматриваясь в темноту храма.

Из его мрачных глубин веяло промозглой сыростью и ветошью, неизвестностью и страхом. Очувтившись на пороге храма, я оказалась и на пороге своей старой жизни. Один лишь шаг – и она уже никогда не будет прежней. Да и я сама уже не буду той, кем была, кажется, уже очень давно, – хранительницей мышию, грызущей содержимое летописей сначала в поисках знаний, а потом – чтобы забыться. Кем я стану после посещения храма?.. Понравится ли мне новое «я», за-

хочу ли пойти по тому пути, который мне подарит судьба?..

– Ясси, – напомнил о себе Райден, и я невольно вздрогнула. Спокойный тихий голос прозвучал на удивление громко, резко: – Пора. Мы не можем стоять здесь вечно. Или ты делаешь шаг вперед, или мы идем назад. Выбирай. И решайся.

Я беспомощно посмотрела в его невозмутимые глаза, глубоко вздохнула и, отбросив ненужные мысли, шагнула вперед. Не зря я так не любила думать... Как только ворох мыслей заполняет голову, сразу и руки опускаются, и делать ничего не хочется. А бездействовать я не любила. И будь что будет...

Храм Перекрестка встретил нас молчаливым любопытством. Просторное круглое помещение, освещенное мрачно-ватым мерцанием серебристых факелов, вспыхнувших при нашем появлении, казалось, ждало чьего-то появления. А последних посетителей храм встречал очень давно. Так давно, что пол покрылся толстым слоем пыли, а стены закутались в дымку паутины. Время не тронуло лишь выпуклые символы путей, выступающие из стен.

На негнущихся ногах я проследовала к центру храма и взобралась на низкий постамент. И почти сразу замерцали ровным светом символы, и от них ко мне прибежали яркие дорожки искрящихся огоньков. Вот и он – круг дорог Перекрестка, распутье, на котором я стою всю жизнь. Когда выбор будет сделан, светящимся останется только один символ. Я шепотом произнесла ритуальную фразу и замерла в ожи-

дании.

– Ясь, – подал голос Райден, – я-то тебе тут зачем?

Обычно ритуальные слова говорил старший рода, но оно и понятно, если иницируемый Перекресток ревет в пеленках. Взрослым же Перекресткам помощь старших требовалась больше по велению древнего обычая, хотя, говорят, у некоторых от страха и волнения язык отнимался. Я вот тоже со своим еле совладала.

– Для моральной поддержки, – объяснила нервно.

Что-то дорожки не гаснут... И откуда-то из тьмы сознания снова выполз скользкий страх. А если не получится?.. Я слышала, что иногда инициация занимала несколько дней – таким трудным оказывался выбор, так тесно переплетались в Перекрестке способности. Но мне-то здесь никто не позволит остаться на эти самые несколько дней... Едва спущусь с постамента, как Райден возьмет меня за шиворот – и домой.

– Символы светятся очень ярко, – подтвердил мои опасения брат, прогуливающийся вдоль стен. – У тебя склонность сразу ко всему, – и «обрадовал»: – Прабабушка говорила, это семейное. Потому нас едва родившихся и тащили в храм. Пока Перекресток не успевал заявить на нас свои права, предки прививали нам выбранный путь.

– А мне что делать?

– Может, представишь, кем сама хочешь стать? – предложил Райден.

– А я... я не знаю, – проямлила нерешительно.

Предлагать мне подумать он не стал – знал, как облувленную.

– О, один чуть ярче стал.

Я повернулась. Райден стоял спиной ко мне, закрывая обзор. Я подпрыгнула. Не помогло. Символы – небольшие, братец – здоровый, а дорожки огоньков – одинаковые.

– Какой? – я снова подпрыгнула.

– Стой и не шевелись, Ясь, а то он гаснуть начинает.

Я послушно замерла. Закрыла глаза и молча попросила Великую сделать уже наконец хоть что-нибудь. И легендарная создательница нашего мира почему-то меня услышала. Правую щеку защипало, когда ее коснулись искры вспыхнувшего символа. Оттиск продержится несколько дней, а потом исчезнет. Я невольно ощупала приобретение. Нет, так – не понять.

– Ну что, Ясь, любуйся приобретением.

Мне не понравился его голос – хмурый, напряженный. Я открыла глаза. Узрела увиденное. Снова зажмурилась и прикусила язык. Не стоит в храме говорить о Вечности. И не стоит звать ее, находясь в пустоши. Ее вообще поминать не стоит, если не хочешь попрощаться с миром. Хотя именно этого я и хотела. В смысле, выругаться. Уж лучше бы сидела за летописями... Не ахти какая жизнь, зато спокойная. Какой же она станет теперь – даже представить страшно...

Я помялась, собралась с духом и снова посмотрела на символ. На темной стене мерцал, разбрасываясь серебристо-го-

лубыми искрами, мой приговор – открытая ладонь и исходящие из нее четыре потока ветра, разлетающиеся по разным сторонам света. Отец меня убьет... Или выгонит из рода. В лучшем случае. Потому как вора́м в древних родах появляться нельзя. Но сначала появился мой прадед. А теперь и я.

Спрыгнув с постамента, я поймала мрачный взгляд Райдена. Подойдя, он обнял меня за плечи и тихо сказал:

– Пусть только попробуют. В обиду не дам.

И я разревелась. Хлюпала носом, уговаривала себя успокоиться и дрожала мелкой дрожью. В таком состоянии брат и вывел меня из храма, а на ближайшем холме нас уже ждали.

– Ай-я-а-а! – радостно завопили близнецы. – У нас снова есть вор! Радужная, мы с тобой, мы в деле!

Шхалар, как обычно, молчал, но выражение его прищуренных глаз говорило яснее слов. Я попала. И я снова зашмыгала носом.

– Ясь, свиток доставай...

– ...который завещание. И заклинание читай...

– ...рвать когти надо, пока предки не засекли!

– И шустрее, шустрее!

Свиток лежал в поясном кармане вместе с сумкой-хранилищем и прадедовыми тряпками, но воспользоваться им я не успела. Едва мы отошли от храма, как из-под земли вынырнули красноватые всполохи, собравшись у моих ног. Это папа меня нашел. И уже не отпустит. Всполохи оберну-

лись браслетом, обхватившим лодыжку. И гадость эту с меня снять сможет только он и только тогда, когда я окажусь дома. А если не окажусь там в ближайшее время – сам притащит, откуда угодно достанет, и приятного в этом мало. Проверено.

– Вот, Вечность... – ругнулся один рыжий.

– Мы – в замок, но ты нас зови, если что, – добавил второй. – А порталом с этим... не пользуйся. Не поможет. Увы.

И испарились, проныры. А я скривилась, вытирая заплаканное лицо недавним платком. А то ж я не знаю, что искательское заклятье не пустит меня никуда, кроме как к, собственно, искателю... Да, поздно ты меня обнаружил, пап, поздно... Чуть-чуть бы раньше – и уберег бы... И если бы не магия пустоши, высасывающая из заклятий большую часть силы...

– Идем, – Райден тронул меня за плечо. – Пора домой.

Кажется, я хотела туда вернуться? И очень зря...

«Дед, ты – змей разноцветный», – дабы не ругаться прилюдно, я угнездилась на третьем этаже очередного полуразвалившегося строения и выразила свою озабоченность письменно.

К границе пустоши мы шли пешком, и, похоже, топтать нам еще прилично. Сколько – мне не говорили. Шхалар молчал, а Райден отделялся невнятным «как только – так сразу». А зелья перехода здесь не работали. И неподготовлен-

ная (да и непривыкшая) к тяготам пути я так и топала навстречу отцовскому гневу в домашнем платье с «лохматым» подолом, братовой куртке и прадедовых сапожках, а ничего другого, к путешествиям подходящего, в сумке-хранилище не нашлось. Но я не жаловалась. Я злилась. И очень хотела кое с кем поговорить. И дождалась своего, когда мы подошли к остаткам очередного города, где мои спутники решили устроить привал.

Закатные сумерки догорели, сменившись туманными, и по развалинам поползли ручейки темно-серой хмари, обещающая скорую ночь. Райден с недоумением отнесся к моему желанию уединиться, но пару светляков выделил. И пока мои спутники возились внизу, в единственной уцелевшей комнате, я, грызя яблоко, сидела на щербатом карнизе и возмущалась.

«Ты ведь знал, что я стану вором? Ведь знал? Если так толкал к инициации – значит, имел на меня какие-то свои виды?» – выводила сердито.

Сшивка долго молчала. Я истратила весь запас ругательных выражений, высказала все, что думаю, и замолчала, разминая уставшую ладонь. И снова взялась за перо, думая зарисовать живописные развалины, когда прадед «проснулся».

«Однажды ты меня за это поблагодаришь».

– За что? – буркнула я. – Ты хоть представляешь, как мне влетит? – и запнулась.

«А ты как думаешь?»

Он все это уже пережил – он стал вором и был изгнан из рода, он прошел через отверженность, неприкаянность и одиночество. Через все то, что мне еще предстояло познать.

– Извини... – стало очень стыдно.

«Жалеешь?»

– Не знаю... Пока – не знаю, – я нервно погрызла кончик пера. – Но если переживу встречу с семейством, разберусь.

«Я помогу».

– Чем? – я прищурилась.

«Научу уловкам и премудростям вора. Мы очень живучи и изворотливы, Ясси, избавиться от нас не так-то просто. Ты выкарабкаешься. И найдешь и выход из положения, и возможность поступить по-своему. Это получилось у меня, и получится у тебя».

Я фыркнула и отвернулась, глядя, как щупальца тумана заполоняют развалины, как загорается вдали желтоватая полоса лунного света. Ощущение того, что все случилось не просто так, не отпускало. Я – пятый ребенок в семье и самый младший, но наследство досталось именно мне. Потом откуда-то – вдруг – всплыло завещание. И, опять же, странное наше с прадедом совпадение и во внешности, и в пути... Нет, что-то здесь нечисто, что-то тут... не так.

«Не ломай голову, не поймешь, – вывело перо спокойное. – Мало знаешь, мало думаешь. Отпусти. Пусть все идет своим чередом. Пока».

– Звучит угрожающе, – я поежилась под порывами про-

хладного ветра. – И все-таки... почему я?

«Ты – моя любимая правнучка».

– Но мы даже незнакомы!

«Ошибаешься. Мы встречались. Ты забыла».

Да... я не помнила. Вытянув ноги, я посмотрела на небо – темно-синее, расшитое редкими узорами разноцветных звезд, в обрамлении двух светлых полос, там, где село солнце, и там, где медленно поднималась Пыльная луна. Руки сами по себе занялись делом, оставляя на чистых листах сшивки наброски руин вперемешку с созвездиями, а я пыталась вспомнить. Ворошила книгу памяти, и с ее страниц шорохом срывались разговоры, смех, плач, споры, снова смех и обрывки мыслей, порождающие знакомые образы, но... Но прадеда среди них я не находила.

«Оставь. Это было давно и неправда».

– Ясси! – позвал Райден. – Спускайся, похлебка остывает!

– Ладно, до завтра, – я свернула сшивку, сунув ее в поясной карман, и поспешила вниз.

Сбежала по выщербленным ступеням, прошла по длинному арочному пролету к единственной уцелевшей комнате и вышла к костру. Вернее, к скоплению светляков, усердно костер изображающих. Крошечные, с ноготок, расплывчатые образы зверюшек, окруженные ярким мерцанием, метались вдоль кладки очага, отбрасывая на потолок и стены причудливые тени. Конечно, готовить на таком «пламени» – долго и нудно, но можно, а вот тепла они давали больше. Я села на

одеяло, приняла из рук брата плоску, улыбнулась и...

– Шхал, стой!..

Этот болван собрался подать мне хлеб, чтоб его! Забыв о своей природной защите от воров, которая раньше не допускала прикосновений, а после инициации... Один его шаг – и меня отшвырнуло к стене вместе с плоской. Затылок больно приложило о грубую кладку стен, похлебка потекла по шее, а я замерла, словно приклеившись к камням, не в силах шевельнуться. Светляки странным образом размножились, очага стало два, Райдена... тоже, а моя несчастная голова...

Я заморгала, отметила еще один Шхаларов шаг и от боли закусила губу. Волной накрыло мерзкое ощущение того, что мною пытаются проломить стену. Огнем вспыхнули ободранные плечи и локти, а голова...

– Девять шагов, Шхал! Отойди от нее, она же теперь вор! – напомнил Райден, подхватывая меня. – Теперь друг от друга – на обязательные девять шагов!

Я судорожно вцепилась в его плечи. Голова горела огнем.

– Знаешь, – пролепетала еле слышно, – я, наверно... без ужина сегодня... – и снова моргнула, проваливаясь в темноту.

Болела я два дня. Нещадно ломило затылок, мир водил хороводы, а желудок отказывался принимать все, кроме воды. Райден, конечно, подлатал меня, как сумел, но лекарь из него аховый. Как и из меня – больной. Лежать я отказыва-

лась наотрез – бездействие убивало. И мы продолжили путь, неизвестный только мне, к границе пустоши и обычного мира. И чем дальше шли, тем больше мне хотелось остаться здесь, несмотря на всю опасность и откровенную тоску.

А тоска одолевала постоянно. Ведь что такое пустошь? Выжженная дотла бесконечная пустыня, голая земля, укутанная в седую пыль, усеянная обломками древних городов. И ни растительности, ни живности вокруг не наблюдалось. И единственное развлечение – изучение развалин – мне быстро наскучило. Вот если бы нашелся еще один целый храм – древний и неподвластный магии Вечности, да еще и... Но все равно вторую инициацию мне проходить нельзя, и вставать на новый путь, не освоив первый, тоже. Рано. Да и первый все равно никуда не денется, к сожалению...

Райден, повозившись со мной те самые два дня и поделившись последними семейными сплетнями, всю дорогу шушукался со Шхаларом, обсуждая какие-то общие рабочие планы. Мои «беседы» со сшивкой брата не заботили. Его вообще волновало только то, что могло мне угрожать. А раз от сшивки вреда никакого не было, то и Райден внимания на мои разговоры не обращал. Разве что иногда просил говорить тише – дескать, с мысли сбиваю и отвлекаю.

Между делом я спросила, каким ветром их сюда занесло, на что услышала краткое – «по работе», и больше глупых вопросов не задавала. Работа так работа. Оба вкалывали на гильдию магов мглистых сумерек, а она какие только пору-

чения не давала. Изучение же пустошей – вообще явление обычное: мало ли, чьи гильдии стерла Вечность, мало ли, до чьих секретов можно добраться, копаясь в развалинах. Хранилища гильдий обычно находились под землей и опутывались мощной сетью заклятий. А значит, могли уцелеть и передать хранимые тайны тем, кто рискнет до них добраться. Только почему с ними нет искателя? От двух магов толку – лишь в защите от жгутолапых. Неужели у брата прорезался второй путь? Надо бы спросить...

Словом, оставшись не при делах, я наловчилась в пути беседовать с прадедом, и тот учил меня жизни. Первым делом он почему-то попытался передо мной оправдаться, заявив, что путь предопределен характером. И если, например, человек Перекрестка рождается усидчивым, трудолюбивым и склонным к долгим размышлениям, то ему прямая дорога в алхимики. А если у него сквозняк в голове и, дословно, «ветер в заднице», то быть ему вором, и никем другим. Я краснела и не находила возражений. Словом, со становлением нрава в Перекрестке проявляется первый путь, а с развитием личности может и второй прорезаться, и третий.

Мне, как прадед добавил, повезло. Я пойду по тому пути, который мною же и определен – взрослый Перекресток все решает за себя сам. Тем же, кого угораздило появиться в одном из древних родов, можно только посочувствовать. Их инициировали едва рожденных, ставя на путь, определяемый родом, ломая и меняя тем самым и характер, и судь-

бу. Я после этих слов внимательно посмотрела в спину брата. Может, второй его путь смягчит жесткое вмешательство родни?..

– Ясь, ты в порядке? – Райден оглянулся через плечо и озабоченно нахмурился.

– Да-да, – рассеянно отозвалась я, на ходу читая прадедовы каракули.

Они же ничего не имеют против медленного передвижения? Все равно быстрее идти мне здоровье не позволяет. Как и желание попасть домой, которого я не испытывала. Мои спутники, выдерживая девять шагов, вновь углубились в обсуждения, а я опять уткнулась в шивку. Прадед как раз начал вещать о природе данной людям силы.

«Сила, Ясси, как жизнь – или она есть, или ее нет. И для всех она едина в своем многообразии. Человек дышит, ест, радуется, плачет – он живет. Или – его уносит Вечность, и он перестает существовать. Но если посмотреть на людей с другой стороны, то живут-то все по-разному. Чья-то жизнь полна радости, а чья-то – бед и горестей, кто-то живет и приносит в мир счастье, а кто-то – боль и смерть. Так и сила, из единого начала проистекающая, меняется рядом с человеком, подстраиваясь под него и воплощаясь в нем».

– То есть? – я нахмурилась.

«Семечко. Посади семя в землю пустыни – и из него вырастет чахлый кустик, иссушаемый солнцем, а посади в плодородной речной долине – и высоко к небу поднимется бла-

городное дерево. И сила, Ясси, обернется тем, в какую почву и в какие условия попадет».

Я хмыкнула:

– С Перекрестками твоя теория не увязывается.

«Потому что с ними все не так».

Я фыркнула насмешливо.

«Да-да, и не фырчи. Перекресток – это замершая душа, которая хочет очень многого, но не знает, чего именно. Это семечко, не попавшее в почву».

– Твоя теория семечек подходит для людей, которые идут всю жизнь по одному пути. Но не согласуется, например, с двуликими, – заметила я. – Если у человека изначально, с рождения, есть два пути – ремесленный и магический – это что же, два семечка в них, получается? Или...

«Не цепляйся к словам. Я тебе суть силы объяснил. Ты же меня поняла?»

– Ну... в общих чертах.

«Да, если тебе понравилась теория почв, то Перекресток – это клочки различной земли на одном холме. И замершая в воздухе горстка семян. Упадет одно семечко в почву бедную, бороться начнет за свое существование – и проявится в человеке тьма. Попадет другое в землю богатую и влагой насыщенную – родится следом за темным в Перекрестке торговец, стремящийся к обеспеченности».

Я начала уставать от прадедовых рассуждений, но, позевывая, честно читала. В хозяйстве сгодится. И пусть не все

понимаю. Как столкнусь – вернусь, вспомню и вникну. Глядишь, и поумнею его стараниями. Может быть.

«Вспомни круги силы. Круг материального – ремесло: алхимик создает, вор у алхимика крадет, торговец у вора покупает, вор идет к артефактологу за покупками, а артефактолог идет к алхимику за зельями. От пути до пути – один шаг. Круг нематериального – магия: рассветные сумерки сменяются светлыми, а те – закатными, туманными, мглистыми, темными, чтобы через тьму вернуться в рассвет. В магии отражены законы природы».

Я снова зевнула:

– Это ты к чему сказал?

«К тому, что сила пропитывает мир, воплощается не только в людях, но и в явлениях. И ветер, твой нынешний символ, – это тоже явление силы. Как в природе, так и в тебе. Помнишь, как ветер в сущности вора проявляется?»

Я покраснела:

– Но я же ничего такого не сделала!..

«Вот именно. И давно «ничего такого» не делаешь. По сторонам посмотри».

Огляделась. Удивилась. Я что, отстала?

– Ра-а-айде-е-ен!

И – тишина. И вокруг – лишь однообразные выжженные равнины пустоши. Светло-голубое небо над головой да каменная земля под ногами. Ни холмов, ни оврагов. Лишь впереди дымчатой полосой мерещатся далекие горы да по-

зади темнеет гряда очередных развалин. И воздух вокруг колышется, подернутый рябью вязкого зноя. Я растерянно заозиралась. Как, ну вот как здесь потеряться?

– Райде-е-ен!.. Шха-а-ал!.. Вы где-е-е?

Что делать? Куда идти? К горам? Да я же не дойду – умру от голода и жажды, все припасы – у парней! А я... А у меня... Разве что ветер в голове да...

– И что делать?

«Сядь и жди, найдутся. А хочешь сама поискать – давай учиться».

– Давай, – и, подобрав ключья подола, села на первый подвернувшийся валун и снова уставилась в шивку.

«В природе вора есть что-то от искателя, – начал наставительно вещать Эйрин, – но искатель ищет, чтобы найти, а вор – чтобы украсть. Есть что-то от торговца, но торговец владеет, чтобы выгодно продать, а вор – чтобы удовлетворить мимолетное влечение. Есть что-то от искусника, но искусник создает, чтобы проявить и показать себя, а вор – чтобы остаться незамеченным».

Меня снова потянуло в сон. Голову солнцем напекло, что ли?

«Яссмилина!»

– А? Ага... – я сонно моргнула и протерла глаза. – Я слушаю...

«Не слушай, а делай. Найди-ка поток».

Я послушно зажмурилась. Если правильно сосредото-

читься, потоки ощущаются так же, как порывы ветра, касающиеся кожи. Другое дело, что прежде у меня с ними отношения не ладились.

«Нашла? Он состоит из нитей, и все они разные. Есть прямые и волнистые, есть длинные и короткие, есть гладкие и колючие. Тебе нужна колючая нить».

Вытянула. Открыла глаза и залюбовалась увиденным. Тонкая нить, серебристо-серая и мерцающая, обвилась вокруг запястья, пощипывая кожу.

«Это нить захвата. Проходит через любые препятствия, цепляется за цель и переносит тебя к ней. Преград для нее, повторюсь, не существует – их либо сносит ветром, либо пробивает насквозь. Заклятий это тоже касается».

– А на какое расстояние? – спросила с любопытством. Сонливость – как рукой сняло.

«Тебя – недалеко, а вора Старшего поколения и на другой край мира унести может».

– О-о-о! – я впечатлилась.

«Брата представь и попробуй отпустить нить».

И, убрав в карман шивку, я попробовала, хотя тихий голос страха убеждал в обратном. И меня сорвало с места. Подхватило порывом ветра, унося к развалинам. Пробыло-таки мною невидимую глазу преграду. И окунуло в шум. Уши заложило от грохота, глаза защипало от едкого дыма. Я втянула носом воздух. Родные запахи родной мгlistой магии... от родного брата. Я слету врезалась в него, едва не сбив с ног.

– Яс-с-си!.. – зашипел он, уворачиваясь.

А у меня от внезапной усталости подкосились ноги, и я села. Проморгалась. Огляделась. Испугалась. И резво поползла назад. Добралась до какой-то преграды, царапнулась о нее спиной, юркнула за подвернувшееся укрытие и съежилась. Сердце колотилось как сумасшедшее, глаза застилал туман. Опять эти жгутолапы!.. Я судорожно зашарила по земле руками. Благо, жизнь с четырьмя братьями приучила всегда быть наготове. Схватила небольшой камень и стиснула его в ладони. Только суньтесь сюда!..

Укрытием оказался выступающий из земли кусок стены. Я тряхнула волосами и рискнула из-за него высунуться. В голове прояснилось, но ключья мгlistой хмари по-прежнему скрывали от меня происходящее. Лишь несколько неясных фигур сновали туда-сюда. Я снова спряталась за стеной, расправила юбку и уселась, встревоженно вслушиваясь в звуки боя. И как сразу не догадалась?.. От меня отгородились мороком, чтобы не впутывать в события, и только. Ну, а ветер в голове... И Вечность с ним. Что посеяно – то и выросло.

Булыжник, кстати, мне пригодился, когда один из жгутолапых сбежал в поисках убежища, коим он избрал мое укрытие. Сердце кольнул холодный страх, когда булькающее существо выросло передо мной из-под земли и настороженно ошетинилось. И сразу же получило камнем по морде. Действовала я без раздумий. Схватила следующий «снаряд» и запустила в тварь, сопроводив испуганным воплем. Камень

попал точно по лбу, разозлив монстра.

Издав хриплый вой, он резво отмахнулся от третьего камня и попытался меня сцапать. Подобрав драный подол юбки, я увернулась, поднырнув под щупальцами, и метнулась в сторону, уходя от столкновения. И кружить рядом могла бы долго, кабы не наступила на острый камень. Ойкнув, я отскочила в сторону, невольно опустила взгляд и оказалась схваченной. Одно щупальце стиснуло грудную клетку, второе – горло, и спустя мгновение я болталась в воздухе, отчаянно колотя ногами и теряя сапожки. Только что ладони успела просунуть под жгут на горле да заорать «Спасите!».

И меня услышали – рядом появился Шхалар. Свившись из мглистых теней, он оценил ситуацию и шагнул к нам. Я с воплем отлетела в одну сторону, монстр уже без жгутов – в другую, а оторванные щупальца приземлились где-то между нами. Дальнейшей же расправы я не видела – хрипло кашляла, хватая ртом воздух, да отплевывалась от пыли. Но, зная сумеречного, предполагала, что от твари только оторванные жгуты и остались. Маги – они же все дурные, а этот еще и источник...

Переведя дух, я встала, держась за стену, и нерешительно изучила поле боя. Над выжженной землей витали клочья сизой мглы. Райден куда-то делся. От жутких тварей остались только подергивающиеся щупальца, пятна темной слизи и редкостная вонь. Зрелище малоприятное, но я в бабушкином алхимическом хранилище разного успела насмотреться.

– Жива? – услышала спокойное.

– Не дожدهшься, – огрызнулась привычно.

– Уже и не надеюсь.

Я зажала нос, судорожно сглотнула и повернулась к Шхалару. Настороженно посматривая по сторонам, он разминал кисти рук, и с его пальцев срывались ошметки мгlistой хмари. Я подняла брови, зачарованно рассматривая проявление источниковой сущности. Та же хмарь тонкими струйками сочилась откуда-то из-под кожи, размывая черты его лица, стирая очертания худощавой фигуры, пропитывая пространство силой мгlistых сумерек. Мне показалось, или он действительно стал выше, причем значительно?..

– Рот закрой и собой займись, – в меня полетели прадедовы сапоги.

Моргнув, я покраснела, насупилась и вместе с обувью поковыляла к своему бывшему укрытию. Стараясь не смотреть по сторонам и дышать ртом, села на камень, обулась, отряхнула пропылившееся платье и быстро переплела косу. И между делом спросила:

– А где брат?

– В делах, – услышала в ответ туманное. – И, кстати...

– А предупреждать надо! – да, лучшая защита – это нападение. – Разве трудно сказать, что вам нужно отойти, и попросить подождать? – морщась, я пошевелила пальцами ног. – Я же не самоубийца, чтобы в бой лезть! И «дела» ваши меня не интересуют! – своих «интересностей» хватает.

– Неужели?

Промолчала, сухо поджав губы. Да ну тебя, зараза сумеречная... Молча встала и, гордо вздернув подбородок, побрела в направлении развалин. Странно, а ведь мы от них на полдня ушли...

– Нам в другую сторону.

– А Райден? – буркнула, послушно развернувшись.

– Догонит.

Я встревоженно огляделась, но... Придется поверить. Не буду путаться под ногами.

Продолжили путь мы уже вдвоем. Шхалар шел впереди, соблюдая положенный разрыв в девять шагов, оглядываясь и физиономию имея странно озабоченную. Кажется, предложил бы помощь, да без толку. Я упрямо ковыляла позади – «перелет» разом выпил все мои силы, и снова разболелась голова. И рада бы на сумеречном повиснуть, да нельзя. А еще очень пить хотелось. И сесть, вытянув ноги. И – помыться. Последнего – до зуда в руках и во всем сопутствующем. Но негде.

Я тоскливо вздохнула. Был бы рядом Райден – поныла бы, наверное, а с сумеречным... Нельзя. Только дай слабину – с потрохами сожрет и добавки потребует. Я собрала в кулак все свое упрямство.

Так, гордость, ты где? Выходи на дело.

– Шхал, а что вы все-таки здесь забыли? – от нечего делать

я доставала своего спутника глупыми вопросами.

– Работаем.

– А не мало ли вас? На раскопки пустошей же обычно человек десять отряд собирается.

– Хватает, как видишь, – буркнул он и после паузы снизошел до полноценного ответа: – На самом деле пустошь нестрашна, Вечность выметает ее подчистую. Но ослабляет магические связи, удерживающие стражей в подземных хранилищах, и те вырываются на свободу.

Я с содроганием вспоминала недавний бой. И поняла.

– Значит, рядом чье-то хранилище было? Значит, что-то ищете? А что?

– По работе.

И надолго замолчал. А я топала следом и прислушивалась к своим ощущениям. Почему мне здесь не страшно? Неприятное место, а страха нет. Разве что отсутствие Райдена беспокоило не на шутку. В некотором смысле он безголовый, всегда отдувается за других. Не случилось бы чего...

– Нам только до гор осталось добраться, день-два, и ты дома, – негромко заметил сумеречный, обернувшись.

Утешил! Я до сих пор гадаю, что лучше – домой вернуться или здесь остаться... Одарила Шхалара красноречивым взглядом и мужественно продолжила плестись за ним, размышляя о том, куда запропастился брат. Закатные сумерки неспешно сменялись туманными, а от Райдена – ни слуху, ни духу. Правда, Шхалар, как я подозревала, все о нем знал.

Мыслесвязи магов учили едва ли не с пеленок, и наверняка эти двое и на расстоянии не переставали шушукаться. Но раз сумеречный не велит мне сидеть, молчать и ждать, значит, брату помощь не нужна, значит, с ним все в порядке.

Туманные сумерки, расползаясь по пустоши вязкой серой пеленой, постепенно сменялись сумерками темными, а мой спутник продолжал с прежней скоростью нестись вперед, к одному ему известной цели. А у меня уже не осталось ни сил, ни терпения, ни гордости. Только упрямство. И несколько раз я ловила себя на безотчетном желании сесть, а лучше – лечь прямо здесь, на голую землю, и пропади все пропадом. Но, глядя в стремительно удаляющуюся спину, продолжала путь. Нет, конечно, он меня не бросит, иначе Райден ему голову оторвет, и Шхалар об этом прекрасно знает. Наверно, я просто не привыкла сдаваться. Из-за чего и страдаю.

– Все, привал, – донеслось до меня, когда я уже замучилась брести в темноте, спотыкаясь то о камни, то о собственные ноги.

Я подняла голову и осмотрелась. Из темноты вырастали очередные развалины. Дымчатый свет восходящей луны выхватывал из крошечной тьмы неровный силуэт низкой башни и бесформенные груды обломков вокруг нее. Доковыляв до ближайшего, я села, вытянула ноги и поняла, что все, не встану. Поелозила, устраиваясь удобнее, нашла небольшое углубление, в которое и сползла, прижалась спиной к прохладному камню и устало закрыла глаза. И хоть потоп те-

перь, хоть землетрясение... Не встану.

– Ясси, побудь здесь, а я пока осмотрюсь.

– Угу...

– Здесь одеяла и еда, разберешься, – рядом упала сумка, на которую я, сбросив сапоги, сразу же положила гудящие ноги.

– Угу...

– Защиту я поставил, тебя никто не потревожит, но и ты за нее – ни ногой.

– Угу...

– Если бы ты всегда была такой сговорчивой, то нам бы с тобой...

– Угу...

Сумеречный наконец сообразил, что привычного разговора-перепалки не получится, и счел за лучшее тихо удалиться. А я как сидела, так и уснула. Моргнула, провалившись в бездонный темный колодец крепкого сна. И мне стало так хорошо... И спишь, видишь себя со стороны и понимаешь, что спишь, от ощущения блаженного покоя становится так тепло и уютно... И мой сон тревожило лишь чье-то пение. Чей-то голос. Тихий ненавязчивый шепот, нежный, словно дуновение ветерка, и успокаивал, и убаюкивал, и растревоживал. Уставшее «я» спало, но то беспокойное, что всегда толкало на поиски приключений, оживилось, высунув наружу любопытный нос, встрепенулось, расправив радужные крылья...
...Стукнувшись обо что-то лбом, я резко проснулась.

Испуганно огляделась. Осторожно потеряла ушибленное. И вздрогнула. Голос, тихий-тихий, продолжал вести свою песню. Незнакомый язык, странные слова, манящий мотив, зовущий за собой... А я, Вечность знает как, очутилась... наверное, в башне. А если унесло за ее пределы, то Райден меня по головке не погладит... если найдет. А голос все пел и пел, все звал и звал за собой, и противостоять ему – очень сложно, невозможно...

Я сделала осторожный шаг в полной темноте, нащупав ногой низкую ступеньку. Медленно развела руки в стороны. Тесные стены грубой кладки. Низкий потолок. Сколький влажный камень. Какая-то лестница, в неизвестность уводящая. И оттуда, из неизвестности, и доносилось пение, а тихий голос шептал едва различимое «Не бойся...». Я сделала шаг, второй, третий. И поспешила вниз, на звуки песни.

Нет, страха не было. Совсем. Внутри все горело от странного нетерпения – добраться, от азарта – увидеть, от желания – взять. Руки дрожали и зудели. И с каждой пройденной ступенькой все громче становился голос, все торжественнее – пение, все безумней – наваждение. Увидеть. Взять. Забрать. Завладеть. И успокоиться.

Лестница окончилась низким коридором, и, продолжив путь, я обнаружила странность. Неким непостижимым образом я прекрасно видела в темноте. Тьма, вязкая и густая до ощущения ее прикосновения к коже, расступалась, стоило лишь рассеянно посмотреть в сторону. Может, я продолжаю

спать?.. И ушиб уже не болит, и голова после недавнего общения со стеной не ноет, и усталости – как не бывало... А если я во сне... то он мне определенно нравится!

Коридор, ведущий под уклоном вниз, сворачивал то влево, то вправо. Скользя босыми ногами по влажному полу, я стремительно продолжала спуск, пока не увидела далекий свет. Мерцающее серебристое сияние. Гулкий зов песни в ушах. Беспокойное сердцебиение. Ощущение осторожных толчков в спину, не позволяющих сойти с пути. И я потерялась в реальности. И верила в нее, и не верила. Но не боялась.

Спуск завершился у кромки воды. Я часто поморгала, привыкая к свету, и зачарованно огляделась. Под моими ногами расстилалась ровная, как отшлифованный черный гранит, гладь небольшого озера, в центре которого находился крошечный островок. Серебристые светляки беспокойно сновали над водой, отражаясь в ней пушистыми клубками света, и озаряя... наверное, подземелье. Я понятия не имела, куда попала, но песня здесь звучала громче, а невидимый проводник по-прежнему подталкивал в спину – туда, к островку. И... это ведь сон, да?

Вода оказалась на удивление теплой. Помедлив, я решила не раздеваться и шагнула в озеро. Дошла до середины пути, отрешилась от навязчивого провожатого и с наслаждением нырнула в воду с головой. После нескольких дней пути, наконец, искупаться!.. Только ради этого сюда стоило прийти! А все остальное – подождет. Хотя песня начинала нерви-

вать. Столь приятная поначалу – и настырно нудная теперь, в двух шагах от... цели?..

Вынырнув у островка, я вскарабкалась на него и остановилась, выжимая ключья подола, откинула на спину мокрые волосы и замерла. Песня тоже замолчала. Зато руки зазудели с удвоенной силой. Хотя ничего особенного я не увидела. На небольшом возвышении лежал осколок камня. На вид – самый обычный, серый, с мой кулак размером. Я подошла к нему, взяла в руки и с любопытством осмотрела. Ни магии в нем, кажется, не было, ни исторической ценности он, скорее всего, не имел. Ничего интересного. Обидно. Такое место – и такая находка... Для чего?

Разочарованно хмыкнув, я повернулась к озеру и удивленно подняла брови. Светляки перестали беспокойно метаться, замерев в странном порядке, и их сияние образывало... Я быстро взобралась на возвышение. Да, точно, на водной глади тускло мерцал символ. Я нахмурилась. Никогда такого не встречала. В нем было слишком всего... много. Беспорядочное и бессмысленное нагромождение кругов, полукружий и разнородных линий... Похожих на... тайнопись?.. Я сунула камень под мышку, достала шшивку и решила символ зарисовать. После над ним подумаю. Дома меня, как пить дать, под замок посадят, так хоть будет чем заняться.

Дорисовав последнюю линию, я убрала шшивку и нечаянно выронила камень. Светляки встрепенулись. Я шустро

спрыгнула вниз, подобрав находку, но опоздала. Светляки поменяли порядок, свившись тугим жгутом, направленным на... И встрепенулась у ног вода, бурля и пузырясь.

Я посмотрела на первую угрозу, потом – на вторую и молча нащупала поток. Я же ветер? Вот и поймайте, если сможете! Нервно выдернула из потока нужную мне колючую нить, представила Шхаларову сумку и полетела. И последнее, что запомнила, это рассыпавшихся над водой светляков.

– Яссмилина!..

– А?.. Что?.. – я села и сонно захлопала ресницами. – А! Райден!..

– Что *это* такое? – зашипел брат, присев на корточки рядом со мной.

– Где? – спросила наивно, откидывая с лица влажные волосы.

Надо же, не приснилось... И волосы, и платье – влажные, и спала я – в обнимку с сумкой, и в руке – зажат давнишний камень. Э-э-это что такое?..

– Положи его на землю!.. – велел Райден таким же тоном, каким в детстве говорил мне «Ясси, брось каку!».

«Кака» оказалась не серой. А прозрачной. И вообще – не камнем. А сферой. Треснувшей. Со спящим клубком темно-сизого огня внутри. Ничего страшного. Эй, ребята, что у вас с лицами?

– Я сказал, положи!.. – брат начал выходить из себя, а я

поспешно спрятала сферу за спину, вскочила на ноги и попятилась.

Мои спутники тоже встали. Вид оба имели очень нездоровый – ссутуленные, взъерошенные и бледно-серые, а темная одежда – серая от пыли. И – пустые. Как не вовремя... С перерасходом сил маги теряли связь с источниками и потоками, и что-то в них неуловимо менялось – гасли огоньки в глазах, морщинила кожа на лице. Но Шхалару-то пустота не грозит, к ночи восстановится, а вот Райден...

– Сам лучше иди и приляг! – напустилась на него в ответ. – Тебе что мама говорила?! Нельзя так опустошать себя, магия может не вернуться вообще, а ты что наделал?..

Он приподнял бровь, глянул на меня внимательно и устало сказал:

– Не уводи разговор в сторону. И... положи эту дрянь, а? Я посмотрела на свою добычу. Наморщила упрямо нос. И во мне выиграло детство. Каждый раз, когда меня просили положить на место очередную найденную мерзость, хотелось обратного – вскрыть и посмотреть, что в ней такого гадкого. И мне с опытами везло... иногда.

– Нет!..

С дружным воплем оба мага отпрыгнули от меня назад шагов на пять. Я быстро сжала в ладонях сферу, и хрупкое стекло осыпалось к моим ногам, а наружу выбрался... всего лишь темно-синий светляк. Очень, кстати, симпатичный. Внутри сизого свечения – крошечная фигурка лохма-

того пса, длиннохвостого и почему-то крылатого.

– Ясь, поberi тебя мгла!..

Покружив, светляк нырнул в вырез моего платья и тихо там затаился, а я заулыбалась. Щекотно! И весело глянула на своих онемевших спутников:

– Ну? И зачем так орать? Ничего же не случилось!

– Ясси... – хрипло протянул Райден и досадливо сплюнул: – Недоразумение ты эдакое, проклятье же зацепить могла!

– Но ведь не зацепила! – я стойко встала на защиту собственной глупости.

– А могла!..

– Но ведь обошлось!..

– Замолчите оба, – встрял Шхалар. – Обошлось, и обошлось. Предлагаю перекусить, и в путь.

– Какое – «в путь»? – я подняла брови. – Вы на себя давно смотрели? – мои спутники переглянулись и дружно скривились. – Вот, и я о том же! И далеко вы такие уйдете? До постели сначала доползите!

Народ моему совету внял. Удивительное рядом. Наспех изучив башню, оба достали одеяла и разбрелись по своим углам. Райден уснул сразу, а Шхалар, услышав недовольное бурчание моего голодного желудка, доплелся до полуразрушенной кладки очага, сдул с ладони пригоршню светляков, позеленел и, шатаясь, удалился в свой угол. И вокруг меня распахнула крылья тишина, нарушаемая лишь свистом ветра

в дырявой крыше башни. Я перевела дух. Отлично. Можно спокойно заняться делом.

Умывшись и расчесавшись, я распотрошила братову сумку с припасами, взялась за яблоко и изучила временные владения. На первом этаже сохранилась лишь одна комната с широкими пролетами круглых окон, да часть комнаты смежной. От последней остались черная от копоти стена и полузаваленный проход. Кстати, я не уверена, что этаж именно первый: вместо входных ступеней нас встречал темный провал низкого арочного пролета. Соорудив на скорою руку начинку для похлебки, я загнала под котелок светляков, взяла второе яблоко и пошла искать свое подземелье.

Найдя снаружи узкую щербатую лестницу, уводящую наверх, я обследовала второй этаж, взобралась на третий и последний, изучила усеивающую его груды обломков, спустилась вниз, обшарила окрестности, но не обнаружила ничего нужного. Вход в подземелье, если он и существовал в природе, вероятно, находился в другом месте. И я утешилась благополучным завершением случайного приключения, приятным купанием, прячущимся под платьем светляком и великолепным самочувствием. И усталость как рукой сняло, и царапины с синяками зажили, и голова не болела, и мысли были ясными. Целебная вода в озере? Вероятно. И все – к лучшему. Да, и надо бы с прадедом обсудить ночное путешествие...

Сообразив поесть, я заварила чай, быстро прикончила

свою часть похлебки и посмотрела на парней. Рассветные сумерки давно сменились светлыми, а оба моих спутника спали, как проклятые. И ведь не поели даже... Я перевела сочувственный взгляд с одного на другого и снова полезла в сумку Райдена. Я же внучка алхимика, в зельях немного соображаю... Но лучше бы обоих в то чудесное озеро окунуть. Жаль, дорога к нему утеряна.

Как у любого уважающего себя путешественника, небольшая с виду сумка Райдена вмещала в себя невероятное количество предметов, как он сам говорил – половину родового замка и мешок яблок. А заодно и всевозможный хлам, найденный, видимо, в пути. Роясь в нем, я уколола палец и вместо искомой травы выудила из сумки щербатый осколок – с мою ладонь величиной, с выбитыми на одной стороне непонятными символами. Грязно-серая плитка с острыми краями. Ничего особенного. Вечность знает, зачем брату понадобившееся.

Не без труда добравшись до пучков трав и перевернув вверх дном все сопутствующее, я сварила нужный настой. Разлив полученное варево по кружкам, одну поставила рядом с Райденом и в сомнении посмотрела на Шхалара. Подумала, подошла к нему на заданное расстояние и катнула кружку по полу. Варево, конечно, немного расплескалось, но кружка остановилась на расстоянии вытянутой руки. Я встала. И так сойдет. И отправилась наружу беседовать с прадедом.

Башню окружали остатки стены, и, усевшись в ее тени, я развернула сшивку. Мельком глянула на срисованный ночью символ и потербила пушистый хвостик косы. О чем именно прадеда спрашивать? Или не спрашивать ни о чем, а подождать, когда он сам начнет объяснять? Ощущение того, что Эйрин и без моих вопросов все знает, не отпускало, и прадед его правильность быстро подтвердил. Лист с символом перевернулся, и на его обратной стороне из-под пера появилось: «Поздравляю, Ясси, ты услышала зов ветра».

– И что? – уточнила наивно.

«Ты ступила на путь. Забудь теперь все, что слышала о ворах. Тот, кто не слышит зова, не есть вор истинный. Это лишь мелкий мошенник, умеющий использовать заклятья, но неспособный подняться дальше уровня практиканта. Ты пойдешь дальше мелкого карманника, который тащит все, что плохо лежит. Ты – вор, который крадет то, что очень хорошо запрятано».

Я вспомнила подземелье и невольно вздрогнула. Понимание сути зова порождало противоречивые ощущения, главным из которых стал страх. Снова. Я вообще была существом весьма трусливым, но бояться окружающих явлений – это одно, а вот бояться самой себя... Это... страшно. Песня ветра, зовя за собой в путь, лишала свободы выбора, заставляя, ломая и подчиняя. А если ветер однажды велит мне обокрасть родовое гнездо? Я так же, как прошлой ночью, подчинюсь, теряя саму себя и растворяясь в нереальности про-

исходящего?.. Думая, что нахожусь во сне?..

«Подчинишься, если не научишься управлять».

– Что мне делать? – спросила сипло.

«Для начала научись его слышать. И слушать. Ветер всегда разговаривает с тобой. Пойми его. Почувствуй».

Я закрыла глаза, вдохнула-выдохнула, расслабляясь, и... услышала. Слабая, еле слышная напевность – шепот ветра, блуждающего среди листвы, гулкое эхо его бесед с самим собой в унылых развалинах... Осторожное дыхание ласково касается плеч и рук, пожимая ладонь, скользя меж пальцев...

«Ты не услышишь пение ветра, пока он парит среди облаков. Ты услышишь его лишь тогда, когда он заговорит – с кронами деревьев, с вершинами гор. Или – с тобой. А когда он заговорит, ты не сможешь не откликнуться. Твои мысли, твои слова, твои поступки станут его речью. Отныне ты – его эхо, Ясси, его тень, его дух. Но лишь тебе решать, что из его слов может услышать мир, а что должно остаться только между вами».

И все равно – страшно... Страшно, сложно и непонятно. Непривычно. Нереально. Словно я всю жизнь сидела в глухой комнатенке подземелья, куда не проникал ни один звук, а теперь поднимаюсь по лестнице, ведущей в новый мир, и слышу странные и непонятные звуки, которым разум в силу незнания пока не мог дать объяснение. Но я надеялась, что однажды они найдутся. И знания, и объяснения.

– А на каком языке говорит ветер? – я вспомнила зов. –

Я слышала песню, но не смогла ее понять. Я знаю восемь древних языков, но...

«Этого ты не знаешь, этот язык – не древний. Вернее, не просто древний. Язык ветра – это язык Изначальности, сущности души мира, из которой Великая однажды сплела потоки силы. Это язык Девятерых неизвестных – покровителей магов. Это первый язык, на котором духовная сущность заговорила с миром. И это – язык Вечности. Давно забытое мертвое наречие, которое никто не знает, а знать его надобно».

– И ты не знаешь?

«И я не знаю. Не смог узнать. Нет, *не хотел* узнавать. Я прожил долгую жизнь, Ясси. И считал, что умен и мудр. Слышал зов и думал, что понимаю его, угадываю. Но я ошибался. И за свою самоуверенность заплатил очень большую цену. Но ты – моя наследница – эту ошибку не повторишь. Ты найдешь ключи к речи ветра. И к умению им управлять».

– Но если язык – мертвый... – нерешительно заметила я.

«Существует тайнопись языка Изначальности. И ты найдешь ее, когда будешь готова».

– А как я пойму, что готова? – прищурилась задумчиво.

«Я пойму и подскажу. Путь вора един для всех идущих. И из эпохи в эпоху люди идут по нему, совершая одни и те же ошибки, натываясь на одни и те же препятствия. Поверь, я пойму, когда ты будешь готова».

Вот как? Я нахмурилась. Вот и подтверждение моих подо-

зрений. И теперь я точно знаю, что для чего-то прадеду понадобилась. Что-то он не сделал, что-то не успел закончить. Сложно ли человеку, способному вшить в артефакт часть собственного сознания, предсказать появление в семье вора? Думается, что нет. Моя прабабушка – артефактолог, и о чем только не вещают ей созданные одушевленные предметы... И остается только гадать, знала ли она обо мне и о моем появлении заранее. Впрочем, с возвращением домой многое прояснится.

Рыжее солнце плавно спускалось за далекую черту туманных гор, а я смотрела на расцветающие закатные сумерки и пыталась обдумать узнанное. Как обычно, получалось неважно. Да, сквозняк в голове... И он очень мешал собрать воедино новые знания, разводя мысли в разные стороны. Я повоевала с собой, оставила на полях сшивки кое-какие заметки, посмотрела на них и махнула рукой. Не мое это. Да и на одном месте сидеть надоело.

– Может, ты меня еще чему-нибудь поучишь? – спросила с надеждой.

«Почему бы и нет? Находи поток».

На мгновение стало страшно. А если я выужу из потока нить и снова услышу зов? А что если ветер опять унесет меня Вечность знает куда, а я не справлюсь с потоком и потеряюсь? А вдруг...

«Знаешь, Яссмилина, для человека, который не любит думать, ты тратишь на это занятие непозволительно много вре-

мени», – прошелестело по листу сшивки перо.

Я застенчиво улыбнулась.

«Не мучай себя. Воровские мозги – не для размышлений, а для действия. И, кстати о нем, где нить потока?»

– Здесь! – спохватилась я.

Ай, прохвост, провел! Меж моими пальцами скользнула выющаяся голубая змейка.

«Это цепляющая нить. Перемещает нужный предмет в твои руки. Проходит через магические ловушки, но не проходит сквозь материальное. В некоторых случаях и самого вора подтягивает к цели, но на незначительное расстояние. Будь с ней осторожна».

– Ладно.

«Пробуй».

Убрав сшивку в поясной карман, я осмотрелась. И заприметила камень, лежащий на остатках башенной крыши. Чем понравился – не знаю, наверно, небольшими и безобидными размерами. Я собралась с духом, размахнулась, выбросила нить вперед... и полетела следом. Ноги шаркнули о землю, сапоги ухнули вниз, а я оказалась висящей между небом и землей на расстоянии вытянутой руки от выбранной цели. Только и успела упереться босыми пятками в шершавую каменную кладку стены. И это значит – «в некоторых случаях»?..

Ну, Эйрин... я бы тебе сейчас сказала...

Я глубоко вздохнула, задержала дыхание и попыталась

успокоиться. Посмотрела на небо, затянутое золотисто-багряной дымкой закатных сумерек. Посчитала до десяти. И выдохнула, отмечая замедляющееся сердцебиение. И собралась наконец с мыслями. Проверила на крепость нить, обмотанную вокруг запястья, и осторожно потянула камень на себя. Удалось сползти вниз на пару шагов, но и моя цель потянулась следом, и теперь угрожающе покачивалась на самом краю, прямо над моей беззащитной макушкой. Я мрачно вздохнула, перебирая ногами по стене. И не туда, и не сюда, а...

– Развлекаешься?

Я чуть нить не выронила. Шхалар стоял внизу и, задрав голову, смотрел на меня с очевидным любопытством. Я смущенно кашлянула. И сказать-то – нечего, только свободной рукой юбку... перехватить.

– Помочь или не мешать?

– И то, и другое, – буркнула вполголоса, но он услышал.

Сумеречная «лапка» вынырнула из ниоткуда, подхватила меня под мышки и плавно потащила вниз, отпустив у земли. Камень сполз следом, бухнувшись к моим босым ногам.

Я перевела дух, передернула плечами и исподлобьяглянула на Шхалара:

– Ты вовремя... – и опустила взгляд. Ничего нового, он, конечно, не увидел, но... неудобно. Да так, что благодарность с языка не шла.

– Не за что, – заметил он иронично и, развернувшись, по-

брел обратно в башню.

Я растерянно захлопала ресницами. И что? И все?.. А где же привычное «Ясси, ты недоразумение»? И ни насмешек, ни нравоучений? Да ладно!

– А как же... А где?.. – вырвалось невольное.

– Размечталась, – фыркнул сумеречный и уже из башни скупко обронил: – В благодарность за настой.

– П-пожалуйста... – пробормотала в ответ, посмотрела на низкий пустой проем входа и пошла искать потерянные сапожки.

Размечталась... Нет, раньше я действительно мечтала, чтобы он обратил на меня внимание, но проходило время, я взрослела, дружила и целовалась с мальчишками из соседних родов и... И – да – мечтала про себя. Что может быть, когда-нибудь... Пока не поняла, что ничего не выйдет. Что все останется, как было, и всесильный источник никогда не заметит некое неумное недоразумение, если, конечно, оно не начудит так, что его захочется пришибить. И даже мечтать перестала.

А прежде между нами происходило всякое. Но самое неприятное, пожалуй, – как я ему в любви признавалась. Помнится, родни дома не было, и мы с Айло стащили из подвалов бутыль яблочного вина. И в разгар нашего веселья явилась эта неразлучная парочка. Райден бутыль у нас отнял, среднему братцу накостылял, а я, удерживаемая за шиворот сумеречной «лапкой», в сопровождении Шхалара отправи-

лась проветривать затуманенные мозги. А мне только-только шестнадцать стукнуло, и я решила, что теперь все можно. Он послушал мои пьяные откровения и молча окунул в фонтан – для придания мозгам ясности. И, конечно, после я в ужасе сбежала прочь, но сказанных слов назад, увы, не воротишь. А сумеречный с тех пор смотрел на меня с таким неодобрением, словно я у него что-то украла... или вот-вот украду.

Сев на камень, я обулась. И что я в нем только нашла, в занозе в этой сумеречной?.. И не шибко красив, и не слишком приятен, и обаяния нет и в помине, и характер – вредный и нелюдимый... Зато когда я нуждалась в помощи – а нуждалась я в ней часто, – он оказывался рядом. Немыслимым образом возникал из ниоткуда и молча протягивал руку. Потом, конечно, проходилась по моей неуклюжей особе вдоль и поперек, но я бы на его месте тоже язык за зубами не держала. Да и получала всегда по делу. А может быть, виновата еще и его источниковая сущность. У меня с любыми источниками отношения складывались... непонятные.

Я поглазела на темнеющее небо и решила на сегодня с опытами закончить. И есть хотелось, и выспаться надо, пока мои спутники сил набираются. Я вернулась в башню и осмотрелась. Брат спал на боку, уткнувшись носом в стену. Шхалар дремал на животе, обнимая сумку. Оба тихо сопели, похрапывая, и меня тоже потянуло в сон. Перекусив, я закуталась в одеяло, свернувшись клубком под боком Райдена и в полудреме вспомнила давний разговор с прабабушкой.

...Я сидела в саду на качелях, в нескольких шагах от источника мглистых сумерек, и с интересом за ним наблюдала. Вьющиеся сизо-серые плети, похожие на лепестки огромного цветка, растекались по зеленой траве, а из облачной сердцевины выростала туманная тень, смутно напоминающая фигуру человека и поднимающаяся на высоту двух-трех этажей. Но стоило мне слезть с качелей и подойти ближе, как источник испуганно подобрал под себя многочисленные щупальца и сжался.

Позади меня прошуршали шаги – легкие, чуть прихрамывающие.

– Источники странно устроены, – задумчиво сказала прабабушка. – Они отдают силу нуждающимся, но не приемлют того, кто приходит красть.

Я бросила на нее удивленный взор через плечо. Серебристо-седые волосы собраны в пучок, выцветшие зеленовато-карие глаза и смотрят на меня, и не видят. Постоянно отсутствующий взгляд на морщинистом лице прежде казался привычным, но сейчас почему-то беспокоил.

– Так я же... не вор!

– Ты – неинициированный Перекресток, сущность вора в тебе есть, и источник тебя к себе не подпускает, – придерживая подол длинного сизого платья и чуть прихрамывая, она подошла ближе. – И так будет всегда. И неважно, каков источник – неодушевленный или же... человек.

Я покраснела и отвернулась:

– Да это-то причем?..

– Притом. Притом, что тебя тянет к Шхалару, как и к любому источнику, – прабабушка проницательно улыбнулась. – Ты ведь поэтому не отходишь от нашего источника, поэтому хочешь понять, что так манит, не подпуская?

– Ну...

– Все объяснимо. Печати инициированного пути у тебя нет, а способности есть, и эти способности требуют удовлетворения и развития. А ни первого, ни второго не будет, пока ты не научишься находить потоки нужной тебе силы и черпать из них необходимое. А ты не научишься использовать их правильно без инициации. Но организм силу требует, и неважно, откуда ты ее возьмешь. Смирись, Ясси. Смирись с тем, что тебя всегда будет тянуть к источникам непреодолимо. Смирись и терпи. Иного – не дано.

Я снова посмотрела на пугливо поджатые сизые лепестки. Как у них со Шхаларом много общего... Как я далеко – так он расслабляется, а как поблизости – так прячется, сжимается, скрывается... Райден говорил, он бывал и веселым, и общительным, и обаятельным, и только я всегда видела одну и ту же опостылевшую маску...

Меня разбудило солнце. Осторожно пробираясь в башню через круглое окно, оно пощипывало глаза и ласково скользило по моему лицу. Сев, я сладко потянулась и улыбнулась

ему. Яркий свет заливал комнатку, изгоняя из углов мрачные тени.

Я выбралась из-под одеяла, снова потянувшись, попрыгала весело и бодро устремилась наружу, к приятным запахам еды. И попутно проверила местонахождение светляка, о котором вчера подзабыла. Распахнула ворот платья и с улыбкой подмигнула крошечному сизо-черному комочку, съжившемуся до размеров ниточного узелка. Интересное явление. Первый раз вижу, чтобы светлячки уменьшались. Обычно они почти переставали светиться и потому казались меньше, а этот... Этот уменьшился настолько, что я его едва разглядела среди швов. Я оттянула вырез платья еще больше и...

– Думаешь, за ночь там что-то изменилось? – вопрос су-меречного застиг врасплох.

Я вздрогнула, разгладила пыльно-серую ткань платья, застегнув ворот, и заметила:

– А почему тебя это волнует?

Нет, сегодня ты мне не испортишь настроение, язва несносная... Я улыбнулась Райдену, проигнорировала приподнятую бровь Шхалара и села на камень у светлячкового костра, выражая готовность съесть все, что дадут.

– Как ты? – мягко спросила у брата.

– Бывало и хуже, – он протянул мне плоску с кашей.

Я мигом забыла обо всем на свете, торопливо поглощая еду. Сколько воровские опыты, оказывается, сил требуют и

как после них есть хочется... Я выскребла все подчистую, с сожалением посмотрела в пустую плоску, облизнулась, вздохнула, расслабилась и отметила странную тишину. Оба моих спутника молчали, и лишь ветер, бродящий в развалах крыши, изредка бормотал что-то себе под нос. Я посмотрела на Райдена, потом – на Шхалара. Так и есть. Мутные отсутствующие взгляды у обоих, что указывало на бурное обсуждение по мыслесвязи. А меня как бы и нет...

Дождавшись, когда они с головой уйдут в мысленный разговор и потеряют связь с реальностью, я изо всех сил стукнула ложкой о жестяную стенку плоски. Оба мага дружно подскочили и растерянно заморгали, уставившись на меня. Нравятся они мне в такие моменты – недоумевающие, трогательно-беспомощные... Я улыбнулась про себя и поставила плоску на землю.

– Что, Ясь? – Райден, болезненно морщась, потер виски.

– Да ничего, – я безмятежно пожала плечами.

– Брось, – он нахмурился, – зачем буянишь?

– Буяню? – удивилась невинно. – Я не буяню. Я просто о себе напоминаю. Что я здесь. И хочу быть в курсе того, что нас ждет.

– Знаешь... – строгим тоном, не допускающим возражений, начал брат, но на сей раз возражения у меня нашлись.

– Знаю. Я – глупый ребенок, который ничего не понимает и которому ничего знать не полагается, так? – уточнила иронично.

– Яссмилина, ты бы... – встрял сумеречный.

– ...не совала нос, куда не надо? – я подняла брови. – Да, а вы предсказуемы... А я давно выросла. И пусть еще не поумнела, но это не значит, что меня нужно воспринимать предметом обстановки. Выкладывайте.

Переглянулись. Опять по мыслевязи пошушукались. Похмурились. Но меня в известность поставили.

– Мы думаем, как дальше идти, – нехотя сообщил Райден. – Нам бы до гор добраться, там пустошь заканчивается, но пути – два.

– Один – безопасный, но долгий, дней на пять. А второй – короткий, к ночи у гор будем. Но идти придется через старые хранилища, а там много разной дряни, – добавил Шхалар.

– Длинным идти, конечно, – вставила я, глядя на бледную физиономию брата.

И дело не в моем «желании» попасть домой. Райдену еще не один сезон восстанавливаться. С потерей внутреннего ощущения силы маг теряет и саму возможность находить потоки, а потратился брат так, что... Будь он в порядке – пусть хоть через Вечность домой ведут, а теперь... Один еле живой маг – и это Шхалар, – и две бесполезные заботы ему в нагрузку...

– Длинным не получится, – брат снова устало потер виски. – Мы не рассчитывали ни на задержку здесь – а задержаться пришлось, ни на еще один рот.

Эй, опять я во всем виновата? Ну, в общем-то... Из-за

меня действительно много времени потеряно, да и ем я хорошо... Но – так рисковать?..

– Может, другой путь есть, а? – спросила безнадежно.

Оба отрицательно качнули головами. А мне при мысли о коротком пути стало страшно. И совсем не потому, что дорога вела к домашнему нагоняю. Нет, по иной причине. Страх – нет, даже не страх, а липкий глубинный ужас – медленно заполнял душу, шелестя скользким хвостом.

– Не надо... – мой голос предательски дрогнул. – Не надо туда идти... Не надо!

– Почему? – пытливо уточнил Райден.

– Не знаю... – ответила хриплым шепотом. – Мне... просто очень страшно...

– Но тебе всегда страшно, Яссмилина, – Шхалар встал и насмешливо глянул на меня сверху вниз. – Ты постоянно всего боишься, и это может быть оправданием. Но не доводом.

– Идем коротким, – решил брат.

Ну и зря... Я насупилась, но отправилась умыться и обуться, чтобы пойти за ними следом, прочь от развалин, по пути доплетая косу. А что еще оставалось делать? Только... терпеть. И на каждом шагу воевать с невесть откуда взявшимся страхом, от которого уже к светлым сумеркам у меня начало сводить колени.

И все бы ничего, и бояться я привыкла, но прежде знала, чего именно боюсь. А тут... на пустом месте – до мелкой

дрожи по телу, до липких ладоней, до трясущихся поджилок и потери аппетита. И как меня ни подгоняли, я не смогла заставить себя прибавить ходу. В конце концов Райден молча взял за руку, потащил за собой, и мы пошли быстрее. К тому самому, что так пугало.

И оно, то самое, не заставило себя долго ждать. С закатными сумерками мы приблизились к горам почти вплотную. Лишь далекие, наконец-то зеленые холмы и глубокий овраг преграждали нам путь. Вернее, не овраг. А пропасть, чей край выделялся на золотисто-красном небе черной каймой. Всего-то – подняться на холм и перебраться через пропасть?..

Я остановилась, испуганно озираясь по сторонам. Здесь страх усилился настолько, что я потеряла ощущение себя, растворяясь в нем, обрывая связь с действительностью. И если прежде мои мысли испуганно метались, сочиняя план побега один хуже другого, то теперь голова налилась тяжестью, тупой, до звона в ушах. Звона предупреждающего, и, кажется, об опасности...

– Н-не п-пойду!.. – прозаикалась в ответ на суровые взгляды. – Н-не т-туда!..

Райден молча взял меня под мышки, подтащил к краю обрыва и, поставив на свитый из сизых теней узкий мост, осторожно подтолкнул в спину. На дрожащих ногах я сделала один крошечный шаг, потом – второй, и посмотрела вниз. Дно скрывала пелена молчаливого грязно-серого тумана.

на. Стена оврага с нашей стороны – безжизненная, иссушенная, желто-красная, а с противоположной – коричневатая, изрытая корнями кустарников. И подозрительно близкая.

Я зажмурилась, делая следующий шаг. Подсмотрела одним прищуренным глазом на дорогу, шмыгнула носом и нерешительно пошла вперед. Страх не отпускал, усиливаясь с каждым мгновением. За спиной сопел брат. Следом за ним шел Шхалар. Ему-то и досталось.

– Ясси, беги!.. – Райден сильнее подтолкнул меня вперед.

Я на противоходе обернулась. Клок моста вместе с сумеречным проседал, а вокруг него медленно распускался бутон мерцающей тьмы, от одного вида которой сводило колени, а вдоль позвоночника взад-вперед пробегали липкие ледяные лапки древнего ужаса. Вечность! И это не ругательство. Это... это ее щупальца. Одухотворенная сущность, обитающая за Изнанкой, но приходящая в живой мир, чтобы убивать. А мы – лишь на середине моста, и Райден – совсем пустой... Брата не отдам!..

Нет, страх не исчез, он... замер, давая мне передышку. И я ею воспользовалась, действуя без раздумий. Одной рукой свила цепляющую нить, которую швырнула к Райдену, а второй – нить захвата, отправленную к ближайшему кусту. Резкий рывок – короткий полет, и я плюхнулась на вершине холма, а Райден просвистел мимо меня чуть дальше. А Шхалар застрял. И щупальца Вечности, подбираясь к нему все ближе, высасывали магию – фигура сумеречного расплыва-

лась, теряя очертания, превращаясь в облако сизого тумана.

– Шхал!..

– Уходите!.. – прохрипел в ответ.

Пока черные плети добрались только до его колен, надо что-то делать... Райден не поможет, а я, я... Понимание пришло мгновенно. Я же вор, ветер меня побери... И, как сказал, Эйрин могу красть даже то, что очень хорошо запрятано. И даже если это «очень хорошо» охраняется Вечностью...

Я сложила ладони лодочкой и заорала:

– Шхал, я могу помочь! Только раскройся! Ну, защиту ауры ослабь! Подпусти меня! И я смогу тебя украсть!..

Он смерил меня таким взглядом... В общем, как тогда, когда мне было семь лунных сезонов, и мы только познакомились. Помнится, он вместе с Райденом приехал к нам на каникулы, и меня отправили показывать гостю родовое гнездо. Я, естественно, начала с главной достопримечательности – с подземелья, где случайно сумеречного и потеряла. А подземелья у нас чудные – четырехуровневые, заклетьями защиты и ловушками жуткими опутанные, поскольку там семейные реликвии хранятся... Нашелся наш несчастный гость на третий день стараниями приехавшего на каникулы Язгара. И, кажется, до сих пор на меня дует за рассеянность. А ведь я и правда помочь могу!

– Ну, давай же! – прошептала глухо, лихорадочно лоя ветер и выплетая нить, и крикнула: – Шхал!..

Мгновение глаза в глаза – и его аура расплылась сумереч-

ным туманом. А я не стала медлить, швырнув к нему цепляющую нить. Зацепилась за что-то и усердно потянула на себя, но заклятье, оказавшееся мощнее предыдущих, упрямо выскальзывало, больно врезаясь в пальцы. И на одно мгновение показалось, что Шхалара повело обратно, к плотному облаку Вечности.

Я перехватила нить, и он выругался:

– Мгла!.. Вперед тащи, а не назад отпускаяй!

– Ну, извини, не приспособилась еще...

Снова перехватила нить, пытаюсь подтянуть его к себе. А она тащила меня к пропасти. Я пыхтела, сопротивляясь, упиралась в землю пятками, но сползала вниз. Тяжелый же он однако... Нить снова заскользила меж пальцев в ненужном направлении. Да как я раньше-то ею управляла, почему же она меня теперь не слушается?..

Позади зазвучали быстрые шаги.

– Райден?

– Держись!

– За что?!

– За меня.

Отгаскивая от пропасти, брат сгреб меня в охапку. А я вовремя перехватила нить, так что следом за мной потянулся и Шхалар. Рывок – и он выбрался из плена, проскочив мимо склизких щупалец черного тумана. Второй – и мы с Райденом оказались у подножия холма, а мой украденный врезался в скалу. А плети Вечности, разочарованно пульси-

руя, уже сворачивались в тугой кокон, тая в туманной хмари пропасти. Получилось...

– Ой... – мне стало нехорошо.

– Заклятье держи! – рявкнул брат.

Неуправляемая нить вихрем извивалась в руках, и пальцы от боли сводило судорогой. Еще рывок – и Шхалар тяжело плюхнулся рядом с нами. А я с облегчением выпустила из ладоней нить, позволив шаловливому ветру подхватить ее и унести прочь. И устало осела на землю.

– Живой? – спросила сочувственно.

Сумеречный перевернулся, скривился и с хрустом потянулся. Меня накрыло неожиданной волной покалывающей боли. Это что ж такое, последствия воровства непредвиденные?.. Райден сел рядом, и я привычно прижалась спиной к его плечу, а он обнял, поцеловал в висок, прошептав «молодец». Ну, хоть кто-то... оценил.

– С тобой как свяжешься – так и огребешь, – проворчал Шхалар, сплюнув кровью.

Что-то мне нехорошо... И перед глазами темнеет, и желудок к горлу подкатывает, и холодно становится... Я зябко поежилась:

– Ой, не выступай, на тебе все махом заживает, как на туманном слизи... И – да, – кстати, Яссмилина, ты мне жизнь спасла!

– Да, кстати, Яссмилина, ты мне жизнь спасла, – передразнил он, копируя мои интонации, и сморщился: – Но мои реб-

ра – иного мнения.

– Язва сумеречная...

Перед глазами замерцали странные голубоватые огоньки. Я моргнула, провожая удивленным взором вереницу сияющих шаров, снова моргнула, встречая следующую, подняла глаза к небу в поисках новых... И меня с головой накрыла сияющая пустота.

...Вокруг шумел ветер. То холодный, то горячий, то порывистый, то спокойный, он то нежно обнимал за плечи, то с силой толкал вперед. И я шла, подчиняясь его капризам. Толчок в спину – и я перехожу на бег, легкое прикосновение к шее – и я снова едва волочу ноги. И вокруг – так пусто...

Я посмотрела по сторонам, удивляясь. Где я? Ни неба над головой, ни земли под ногами. Ничего. Только искрящееся светло-голубым *ничто* и ветер, управляющий мной, как куклой. И... чей-то настырный голос в ушах, причем такой знакомый...

– Кто ты? – шепчу еле слышно.

– Обернись.

О, а вот это мне знакомо! Когтистая «лапка» сумерек тянулась за мной, разрывая пустоту. И я тоже потянулась к ней, и почти добралась, и почти ухватилась, когда резко взвыл ветер. Просачиваясь меж пальцев, он до крови раздирал ладони, вцепившись в волосы, резко тянул за собой. Я отчаянно дернулась, выпутываясь из его сетей и оставляя в лапах

ветра ключья волос, не чувствуя боли, из последних сил рванулась к «лапке» и... открыла глаза.

Темнота. Тишина. Светлячковый костер, рядом с которым спит, завернувшись в одеяло, Райден. И – Шхалар, окруженный сизым сиянием собственной силы и хмуρο всматривающийся в мое лицо. И сидящий подозрительно близко. И, собственно, я – нервно дрожащая и замерзшая. Эй, а где же пресловутые десять шагов?.. Или... раз уж украла, то?..

– С возвращением, – Шхалар натянул на мои плечи одеяло.

– Откуда? – спросила неуверенно.

– Оттуда, – загадочно отозвался он.

– Странные вещи ты говоришь... – промямлила я, потирая лоб.

Сумеречный подошел и усмехнулся:

– Да нормально бы ответил, если бы знал, куда тебя занесло.

– А ты как... понял?.. – ощущение сияющей пустоты не проходило, и мне стало не по себе.

– Я же источник, – обронил он сухо.

Как будто это все объясняло... Хотя... объясняло это многое. Наверно. Мне сложно понять. Ему виднее. И куда виднее, чем мне.

Я на мгновение закрыла глаза, вспоминая.

– Ветер... – так, мне срочно нужна моя сумка.

Символ вора...

– Что? – не понял Шхалар.

– Ветер, – повторила я, с трудом садясь. – Ветер. Там был ветер... Шхал, пожалуйста, подай мою сумку!

Он странно на меня глянул, но требуемое мановением руки подтянул. Я высунулась из одеяла, открыла клапан и вытащила шивку. Эйрин точно должен знать... Открыла нужную страницу и спросила:

– Что это было?..

А на странице дневника невидимая рука уже выплетала вязь столь важных слов: «Тебя унесло. Наш мир пронизан потоками различной силы, он держится на них, словно доски моста на веревках, над пропастью. Потоки бывают слабыми, средними и сильными. В зависимости от того, сколько силы тебе нужно и каков твой потенциал, ты и используешь необходимый поток. Главное, что после использования его нужно отпускать. Мы называем это заметанием следов. Отпустить поток, перерезать те нити, которые вас связывали и которые тебя питали. Иначе он приклеивается к тебе. И если поток слабый – то вреда не причинит, но твое местонахождение вычислит любой, идущий по следам украденного. А если поток сильный – затянет в себя и унесет».

– Ну и что? – уточнила я.

«Ну и все».

Я молча посмотрела сначала на вязь слов, потом – на Шхалара.

– Очень верный ответ, – прокомментировал он, через мое

плечо замечания Эйрина прочитавший. – Ну и все... – хмыкнул и добавил: – Я не силен в вопросах ремесленной силы, но знаю, что магам ее дает Вечность, и она же нас к рукам прибирает. А сила вора... иного толка, но, думается, ты едва не попала на порог Вечности.

Я судорожно сглотнула. Возмущенно уставилась на сшивку:

– Почему ты не рассказал, как заметать следы?..

«А кто же знал, что ты полезешь в столь мощный поток силы? Те, на которых ты тренировалась, слабенькие, вреда бы не причинившие. Их и отпускать-то не надо, они тают сами по себе, сделав дело. Я не предполагал, что ты сможешь найти и удержать сильный поток. Но тебя же понесло», – последовал ответ.

– Эй!.. – моему возмущению не было предела. – Я же не знала, где какой поток! И вообще!..

«Не шуми. Я забыл, что твоя аура не «проштопанная», и ты к любым потокам силы подпущенная. Тебе срочно нужно найти хорошего вора-наставника и «попросить» ауру, чтобы отрезать доступ к сильным потокам. Позже и о разнице расскажу, и следы заметать научу. А ты пока силы у источника наберись – чужая магия отрежет путь к потокам вора наверняка. И после – спать», – и сшивка с шорохом закрылась.

Я несколько мгновений тарасилась на потертый переплет, а потом, вздохнув, повернулась к сумеречному:

– Похоже, мы с тобой в расчете на сегодня. Только... си-

лой поделись, а?

Он склонил голову набок, и из-под упавшей на лоб волнистой пряди сверкнули заинтересованно сизые глаза:

– А что взамен?

Это он к чему?.. Я насупилась и попыталась отодвинуться – не пустил, неожиданно обняв. И опять так смотрит, словно я у него что-то украла... И, странно, глаза у него – теплые-теплые, а взгляд – обволакивающий, словно вязаная пушистая прабабушкина шаль, уютный-уютный... И так хочется в этот теплый уют окунуться, чтобы согреться и забыть о сияющей пустоте мира ветра...

– У тебя после встречи с Вечностью голова совсем... того? – пробормотала я, краснея под пристальным взглядом.

– Ты давно это заметила, – Шхалар расслабленно улыбнулся, и черты его лица начали расплываться, теряясь в сизом тумане. – Еще в первую нашу встречу. Или во вторую?

– Ты меня в окно выбросил! – возмутилась я.

– Я был злым и в ловушки подземелья угодившим. По твоей вине. А тебя Райден все равно поймал, – и выющиеся плечи теплого тумана заструились вокруг, маня первозданной силой и... могуществом. Кажется, руку протяни – и владей...

– У з-земли п-почти... – пробормотала я, заикаясь.

Как же он на меня странно действует, источник, а... Я физически перестала его ощущать, словно не человек рядом, а плотный клубок тумана. И ни глаз не видно, ни рук – не чувствуется... И на мгновение показалось, что я вернулась

обратно – в мир ветра, где не было ничего, кроме меня и мощного потока силы. И руки так и чешутся это богатство... к рукам прибрать.

– А ты потом долго мстила, – его лицо окончательно скрылось в мглистой пелене, из вязкости которой гулко, как из колодца, доносился глухой голос. – А я терпел.

– Да-а-а? Это когда ты меня...

...поцеловал? Ага, размечталась...

Лица коснулся вязкий туман, руки погрузились за холодную сизую пустоту. И я растворилась в том, чем он стал. И по капле, с удовольствием, вдыхала силу. Вот, значит, как источники ее добровольно отдают, вот зачем ее от таких, как я, прячут...

Я стала вором, но, рожденная Перекрестком, все еще нахожусь на распутье, и как использовать могу силу любого пути, так и принимать – тоже. Прохладная сумеречная мгла проникала сквозь кожу, струилась по венам, помогая прийти в себя. Нет, как, ну вот как он ухитряется каждый раз оказываться рядом именно тогда, когда мне это необходимо?.. От избытка чужеродной силы мутилось в голове. Как?..

– Все, хватит с тебя. Спать пора. С рассветными сумерками идем дальше, – под моими руками снова оказались вполне человеческие плечи.

– Да, конечно... – и я вздрогнула, вспоминая недавний кошмар, и обняла его крепко: – Не уходи! Мне... страшно. А вдруг?..

Сумеречный достал свое одеяло, укутал меня до кончика носа и остался рядом. А я с удовольствием свернулась клубком под его боком. Завтра все вернется на круги своя, а сегодня... Сегодня можно помечтать. О том, что может быть, когда-нибудь...

Мне снился странный сон. Я лежала в собственной комнате и в своей постели – умытая, в ночнушку переодетая и в одеяло бережно завернутая. А у моей постели стояли родители и шептались.

– Прошу тебя, не набрасывайся на нее сразу!.. – тихо говорила мама, поправляя мою подушку.

– Не набрасываться? – шипел отец. – Не набрасываться, говоришь?.. Да ты посмотри на нее, посмотри, кем она стала!

– Ренмир!.. Дай ребенку в себя прийти!

Родитель смерил меня критическим взглядом и коротко бросил:

– Посмотрим.

Засим сновидение оборвалось коротким полетом во тьму, после которого я открыла глаза и увидела почти то же самое, что и прежде. Я лежала в своей постели, на краю которой сидела мама, украдкой вытирающая слезы, а боком ко мне, у окна, заложив руки за спину, стоял отец.

– Доченька, проснулась! Как ты себя чувствуешь, чудо мое? – затараторила мама. – Есть хочешь? Хочешь?..

Я и пикнуть не успела, а мама уже помогла мне усесться,

поправила под спиной подушку и поставила на мои колени поднос. Мой любимый рыбный суп с укропом и имбирем, порезанные треугольниками ломти свежего хлеба, пирожки с мясом... У меня предательски защипало глаза. Как же я соскучилась по дому...

– Мам... – я тихо шмыгнула носом.

– Ты ешь-ешь, – она ласково взъерошила волосы на моей макушке. – Ешь. Потом все. Ешь.

Я не заставила себя упрашивать, живо подъев все до последней крошки. Куда братовой походной похлебке до мамино супа... И на мгновение почудилось – обойдется, все будет, как прежде... Красивый морок, вдребезги разбитый безжалостным отцовским:

– Тмилла, выйди.

– Но...

– Выйди, прошу.

Мама вздохнула, поцеловала меня в макушку, посмотрела странно – не то с сожалением, не то виновато, – и вышла, тихо прикрыв дверь. Лишь в дверном проеме напротив моей кровати мелькнул длинный подол светло-сиреневой юбки. Я тихо шмыгнула носом, неловко поерзала и осмелилась робко посмотреть на отца. Он по-прежнему стоял у окна, боком ко мне, но его косой взгляд сказал о многом. Взгляд – как у цепного зверя, готового и зарычать, и наброситься, да поводок крепкий не пускает.

Я устала на собственные кулаки, сжимающие складки

цветастой простыни. Подобные его взгляды я ловила на себе и раньше, и за ними следовало по очереди: нравоучения – попа – шиворот – подземелье – «я больше не буду!..» – нравоучения. Теперь, боюсь, этим все только начнется. А кончится – куда как хуже. Даже если в силу моего возраста из обычного списка исключат «попу».

– Если тебе есть, что сказать, говори, – тихо обронил он.

Какое там говорить, язык от страха не ворочается, а челюсти я нарочно покрепче сжимаю, чтобы зубы не стучали... Страх, похожий на пережитый в пустоши, вернулся, затаившись под гулко колотящимся сердцем, и в ответ на вопросительный взгляд я отрицательно покачала головой. Слова объяснения уйдут в пустоту – отец уже се решил, по глазам вижу. Хана мне. Не отвертись и не оправдаешься.

– Чай допивай, – сказал он неожиданно.

Я дрожащими руками взяла с тумбочки кружку и сделала пару глотков. Легче не стало. Зато стало очень себя жалко. Я тоскливо изучила свою комнату. Высокий потолок и окна, выходящие на рассвет, на всю стену, закрытые шторами в сине-зеленую полоску. Каменная кладка стен скрыта за яркими коврами. Кровать с тумбочкой у окна. Очаг со светляками – рядом. Скучно-коричневые шкафы и полки, которые я терпеть не могла, по противоположной стене. Плющ, затягивающий цветущими плетями потолок и часть стен. И что-то мне подсказывает: уйду я отсюда, а вернусь нескоро...

Отец тем временем вытащил спрятанное между шкафами

кресло, пододвинул его к моей кровати и сел, вытянув ноги. Райден все-таки – его копия, только смотрят на меня по-разному... Те же светлые волосы, пронзительные темные глаза и загорелое лицо с резкими чертами и упрямым подбородком. Вообще все мое семейство светловолосое и загорелое, одна я – теперь понятно, в кого – светлокожая и темноволосая. А до «встречи» с прадедом иногда думала, что я подкидыш и...

– Яссмилина, как ты думаешь, почему в древних родах был введен запрет на появление вора?

Не в бровь, а в глаз... Я отвлеклась от тоскливых размышлений и пожала плечами. Самой интересно знать.

– Ладно. Скажи мне тогда, дочь, зачем был создан, например, наш род.

Я подняла глаза к потолку и заученно ответила прабабушкиными словами:

– Родам поручено хранить знания и артефакты, некогда врученные магам Девятью неизвестными. Хранить, чтобы не допустить новой сумеречной войны, которая случилась из-за жадности магов и желания одной ветви сумерек узнать тайны остальных. Лишь представители родов имеют право пользоваться реликтовыми знаниями, и передавать их нужно из поколения в поколение, не допуская до охраняемых тайн чужаков.

– Запомни то, что сказала. И послушай меня очень внимательно. То, что я расскажу, касается твоего прадеда, – отец откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза, а я оживи-

лась. – Некогда твой прапрапра – основатель нашего рода – стал одним из участников подписания мирного договора между магами сумерек, который положил конец последней затяжной войне. И поэтому ему было предложено возглавить Старший род Мглистых сумерек.

– Об этом я знаю... – пробурчала себе под нос.

– И все бы ничего, если бы не его наследники, – продолжил он невозмутимо. – Дети прапрапра погибли во время войны, а единственные внуки – двое известных тебе, надеюсь, близнецов, мальчик и девочка – воспитывались с младенчества домовыми духами. И он не успел ни воспитанием их заняться, ни на путь наставить, ибо скончался вскоре после подписания договора при таинственных обстоятельствах. Да, не смотри так удивленно, твои прабабушка и прадедушка – оба Перекрестки. И – да! – это у вас семейное. И твоя бабушка, и твоя мать – тоже Перекрестки.

Точно семейное... И, видимо, семейная же, по женской линии – точно, запущенность перекрестковых способностей.

– И я подозреваю, прапрапра чистым магом мглистых сумерек никогда не был, – продолжал монотонно рассуждать мой собеседник. – А что случается со взрослым Перекрестком, ты уже знаешь. Он выбирает путь не по уму, а по душе. Эйрина стала артефактологом, Эйрин – вором. А запрет тогда гласил: вор не должен появиться в роду со стороны. Почему, Яссмилина?

– Все дело в том, что мы храним? – спросила наобум.

Отец глянул на меня цепко:

– Не только в том, что храним, но и в том, *как* храним. А как мы храним, а, дочь?

– Ну, – я вспомнила прабабушкины рассказы, – в подземелье храним, в паутине ловушек и всего прочего...

– «Всем прочим» являются заклятья на крови, – недовольно вздохнув, сообщил он. – Только тот, в ком течет кровь основателя рода, может пройти лабиринтами подземелья. Только того пропустят охранители. И только тот избежит всех магических ловушек. А вошедший в род получает и браслет, зачатый на крови, и такой же доступ к реликвиям, как прямой наследник. Понимаешь, к чему веду?

Я судорожно сглотнула, невольно ощупав родовой браслет на правом предплечье. Я понимала. Обычному члену семьи нужно долго плутать лабиринтами подземелий и говорить охранителям ключевые слова. А вору достаточно лишь пустить по следу сокровищ цепляющую нить, и все...

К тому же я – неуправляемый вор. Обычно после инициации ребенку «прошивали» ауру, чтобы отсечь его от источников и обучить основам силы. И в Младшее поколение выходил тот, кто умел управлять «швами», приподнимая их и впуская в себя клочья силы. И в Среднее переходил тот, кто умел оставлять «швы» приоткрытыми. А к Старшим – тот, кто подчинял себе силу, снимая «швы» совсем. А у меня «швов» нет, доступ к силе – прямой, как и силы – ко мне. И любой порыв ветра – вроде того, что привел меня в пещеру, –

грозил... неприятностями. Потому как не я владела силой. А сила – мной.

Пока я лихорадочно размышляла о своем, отец молчал. И продолжил, когда мой отчаянный взгляд перестал метаться по комнате, вновь сосредоточившись на собственных судорожно сжатых кулаках.

– После появления твоего прадеда во всех родах вышел новый запрет. Рожденный в роду вор либо сразу из него исключается, либо должен навсегда остаться неиницированным. Как думаешь, почему?

– Папа, – я хмуро поджала губы, – ты же знаешь...

– Знаю. И ты тоже должна знать. Более того, ты должна *понимать*. Сегодня, Ясси, мы храним лишь треть сокровищ, завещанных твоим прапрапра. Остальные я ищу с тех пор, как встретил твою мать, и продолжаю искать поныне. Почему, спросишь ты? Потому что в один прекрасный день Эйрин вымел хранилище подчистую и пустил тайны рода по миру.

Из меня словно воздух вышибли. Я растерянно смотрела на отца, а память услужливо подбирала доказательства из редких откровений прадеда. *«Я слишком поздно понял, что на самом деле никогда не понимал речь ветра. И за свою самоуверенность заплатил очень большую цену»*. Вот так вот. Как, кажется, теперь все просто и понятно... Жаль лишь, что тайны прошлого не решают проблем настоящего, а добавляют их.

– Теперь, надеюсь, понимаешь, почему в роду тебе оставаться нельзя?

Пожалуй, я была к этому готова...

– И что, исключишь? – спросила устало.

– Либо – замуж, – уточнил отец, – и в другой род, который ничего ценного не хранит.

– Не пойду! – вскинулась я.

– Тогда – вон. Мне все равно, что ты будешь воровать у других. Я жизнь положил на поиски родовых реликтов, и не позволю какой-то девчонке испортить свое дело.

– Я – не «какая-то»! – обиделась, обернувшись. – Я твоя дочь!

– Нет, не моя.

И снова – словно удар под дых. Я молча хватанула ртом воздух, а мой собеседник сухо добавил:

– Не наша.

– К-как т-так?.. – пролепетала я.

Не верю!.. Я же видела портрет прадеда! Я же на него похожа!..

– После четырех сыновей жена очень хотела дочку, но возраст для родов у нее был уже не тот, – объяснил он, отстраненно глядя в окно. – А потом ты ей приснилась. Тмилла увидела тебя во сне и плешь мне проела просьбами найти. Мы объездили тьму приютов, но приснившуюся девочку Яси нашли на пороге комнаты, которую снимали на постоялом дворе. С тех пор ты вошла в семью, получив родовой брас-

лет, а вот откуда взялась, я не знаю.

– Но я на прадеда похожа!.. – выдавила еле слышно.

– У всех свои недостатки, – отозвался отец иронично.

Я опустила взгляд на свои крепко сжатые кулаки. В мозгу – ни одной связной мысли, а внутри – так пусто... И почти не больно. И... понятно. Ведь часто думала об этом прежде, словно чувствовала... Я шмыгнула носом. Остро захотелось расплакаться и надавить на жалость, но... С отцом такое не пройдет. Это у Райдена на плече можно реветь, пока не надоест. А отец – как Шхалар. Только покажи слабинку и распусти нюни – живо окажешься связанной по рукам и ногам собственными же соплями.

– Можно я... подумаю?.. – пробормотала сдавленно.

– Думай, – он закинул руки за голову и потянулся. С чувством выполненного долга.

Откинув простыню, я сползла с постели, вышла из комнаты, притворив дверь, и, постепенно набирая шаг, устремилась туда, где меня до темных сумерек никто не найдет. В свое гнездо. Там тихо и спокойно, там можно обо всем забыть... хоть на время. И, наверно, там я пойму, как быть дальше...

Я перешла с шага на бег, подобрав полы длинной ночнушки. А я – пойму... а не пойму – так придумаю!.. Бардак в жизни – еще не повод опускать руки и вешать нос. Это повод заняться делом и навести в своей жизни порядок. Да. Надо просто разложить все по полочкам и поверить. В то, что бы-

ло. В то, что есть. В то, что будет. И в то, что все будет хорошо.

Выскочив из-за угла, я наткнулась на скучающего Шхалара. Кинула на него дикий взгляд и побежала дальше, пропустив мимо ушей недоуменный возглас. До тебя ли, когда мой мир разваливается на части?.. Добрались – и ладно...

Я торопливо пробежала до конца длинного коридора, поднялась по лестнице, пересекла гостевую комнату и, остановившись у стены, решительно отдернула оконную портьеру. Мало кто знал, что одно из окон – на самом деле морок, скрывающий вход в Закатную башню. Я сама узнала случайно, когда, играя в детстве, чуть из этого окна не вывалилась. Вообще огромный древний замок, построенный прапрапра, таил в себе много секретов...

Пройдя сквозь окно, я быстро поднялась по длинной витой лестнице, оказавшись в крохотной комнатке, нащупала на полу плиту, наступила на нее и провалилась вниз. Плита, едва я с нее сошла, вернулась на место, а я устало осела на пол, на ворох подушек и одеял. Все, я дома... Крошечный, неприметный балкон под черепичной крышей Закатной башни, оплетенный толстыми ветвями старого плюща, давно служил мне убежищем. Здесь я пряталась от нагоняев, ревела от детских обид и просто мечтала о разном, наблюдая за закатными сумерками. А теперь здесь придется думать.

Поелозив, я натянула на колени одеяло и прижалась спиной к стене, закрыв глаза. Хотя думать – последнее, чего

мне хотелось. Зато хотелось... улететь. Стать ветром, что ворошил сухие ветви плюща, срывая старые листья и унося их вдаль – туда, где синело далекое море, сливаясь с ясным небом. Очень хотелось улететь, но...

Я безотчетно пускала по следу кармана с заклатьем-порталом цепляющие нити, но ничего не находила. Пока я спала, его забрали вместе с сумкой и спрятали. И то ли у меня руки дрожали так, что нити срывались, то ли спрятали мое добро под защиту заклятий, но... Я горько улыбнулась. Прабабушка не раз говорила: придет то время, когда проблемы придется решать, а не прятаться от них в ожидании чуда. Вот оно и пришло. Только так... не вовремя.

Сияние солнца, приглушенное дымкой светлых сумерек, медленно тускнело, спускаясь к кайме моря, а я так и сидела, обняв колени и бездумно глядя вдаль. На то, как пенилась вдали, ударяясь о крутые скалы, полоса прибоя, меняя оттенки с далекого черного до близко-бирюзового. На то, как порхали над водой перламутровые буреловки, примечая добычу. На то, как путался в ветвях серебряных ив и макушках могучих сосен ветер. И закрывала глаза, но слышала лишь шуршащий смех да чувствовала привкус морской соли на губах. И ощущала, как где-то внутри разрастается пустота – холодная и неприветливая, чужая в моем радужном мире...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.